Женщины, кот и собака

Автор:
Мария Метлицкая

Женщины, кот и собака

Мария Метлицкая

Женские судьбы. Уютная проза Марии МетлицкойЗа чужими окнами

Что может быть страшнее одиночества? Когда не с кем поговорить, кроме собаки? Когда единственный сын от тебя отвернулся и кажется, никому в целом свете ты не нужна и все лучшее позади?

Евгения много раз слышала о том, что так бывает, но никогда не думала, что это случится с ней. Однако – случилось. И теперь надо было думать, как жить дальше, как справляться с тоской, которая накатывала так часто и так некстати.

«Мы в ответе за тех, кого приручили». Эту фразу Сент-Экзюпери мы повторяем так часто, что она стала затертой, даже банальной. Но нет другого рецепта от одиночества, кроме как найти человека, которому еще хуже, чем тебе, и – помочь, пригреть, «приручить». Порадовать мелочами: тарелкой горячего супа в холодную погоду, незатейливым оливье в новогоднюю ночь, свежевымытыми полами и наряженной елкой.

Для Евгении это стало рецептом от тоски, лекарством от одиночества.

Мария Метлицкая

Женщины, кот и собака

© Метлицкая М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Слабак

Человек, который презирает себя, всегда презираем другими. Так что все правильно. По заслугам. Сам выстроил свою жизнь и судьбу. Судьба – это характер, характер – это судьба. У Алексея ничего в жизни не получилось. Ни-че-го! А ведь какие надежды подавал! Правда, давно – в детстве и ранней юности. Говорили – талант. Правда, так считала лишь родня – мама, отец. И конечно же, Тёпа. Разумеется, никакой он не талант. Но способности были. Надежды, способности… И где это все? Вот где? В какие бездны кануло? Куда? Неизвестно…

Пыль, туман – испарились. Нужен характер – вот это и есть главная правда.

Не зря говорят: характер – это судьба.

А характера не было… Совсем. Слабак, он и есть слабак, таким и останется.

По счастью, Надежда, жена, ни разу не видела, как он плачет. Сядет на бортик в ванной, воду посильнее и – ревет. Мужчины не плачут, мужчины огорчаются. А он – ревел.

А что обижаться на правду? Жена не должна говорить такие слова?

Не должна, правильно. Но и мужик не должен быть слабаком! Так получается?

Ну, и все остальное: не оправдал ее надежд, нечем гордиться, а вот у других… и т. д. и т. п.

И снова права! Умная баба, в этом ей не откажешь. Умная, сильная.

А что правду-матку лепит в глаза – так она всегда ее лепит! Всем и всегда. Характер такой. Нрав крутой, это да.

Алексей однажды слышал, как она дочери говорит: «Все в жизни уравновешено. Рядом с сильными – слабые. Так и у нас. Да и потом, – тут она рассмеялась, – будь на месте твоего отца настоящий мужик… Да разве бы мы ужились? Лбами бы бились не на жизнь, а на смерть».

Всю жизнь Алексея мучил вопрос: почему она не ушла? Красивая, умная, смелая? Мужики, глядя на нее, шеи себе сворачивали – даже когда ей было уже хорошо за сорок.

Высокая, крепконогая, широкобедрая. Волосы русые – косу на затылке закручивала, а та все равно распадалась – тяжелые волосы.

И брови вразлет – широкие, длинные, к вискам. Глаза серые и очень серьезные, но смешливая – рассмеется, и из глаз словно брызги.

Вернее, когда-то была смешливой.

Учились они в параллельных группах. Он помнил ее пышную юбку в синих цветах – шла она по коридору, и юбка закручивалась вокруг сильных ног. Она злилась, одергивала. А потом вдруг рассмеялась и глянула на него: «Что, может, снять? Ткань дурацкая – липнет и липнет! Дурацкая – потому что дешевая!»

В голосе ее были злость и раздражение.

И посмотрела на него вопросительно, словно ожидая совета.

Он растерялся, почувствовал, что залился свекольным соком, выдохнул и вдруг, неожиданно для себя самого, произнес: «Если вы ее снимете, будете еще прекрасней! Я убежден!»

От удивления она широко распахнула глаза, растерялась и хмыкнула: «Смело!» Потом рассмеялась: «Думаю, это не всем понравится! Так что буду мучиться дальше!..»

Не кивнув на прощание, она снова раздраженно одернула юбку и, чертыхаясь, быстрым шагом пошла по коридору к аудитории.

…Очнулся Алексей от тычка в спину.

– Что застыл? – заржал одногруппник Валька Петров. – Понравилась цаца? Ничего бабец, а?

– Да ладно тебе, – смутился он. – Цаца… как цаца. Кстати, а кто она? – Алексей изо всех сил пытался скрыть волнение в голосе.

– Надька Смирнова. Не баба – огонь! Огнемет просто. Не дай бог попасть под струю! Спалит без остатка! – И Валька громко заржал. – Сибирь, батенька! Там они все такие, – тихо продолжил он и почему-то вздохнул.

Так и расстались. Только с тех пор не выходила Надя Смирнова из его головы. В коридорах всматривался, башкой вертел по сторонам – вдруг снова увидит?

Встречались, конечно, сталкивались – то в столовой, то в гардеробной, то в холле, то на объединенных лекциях.

Она как будто его не узнавала. Впрочем, кого узнавать-то? Ну перебросились фразами в коридоре, и забыла, наверное. Тоже мне – повод!

Нет, было однажды – он осмелел! Сам удивился своей прыти.

В столовой встал прямо за ней. Подвинулся – так близко, что услышал запах ее волос – едва уловимый аромат сладкого шампуня.

Надя, наверное, почувствовала его близкое присутствие и дыхание, резко обернулась и чуть покраснела.

– С юбкой порядок? – От смущения и страха он совсем «распоясался».

Она чуть сдвинула брови, словно вспоминая, и через минуту кивнула:

– Да, на помойке она! Нервомотка моя!

Но тут же отвернулась и заговорила с подругой, обсуждая, что брать на обед – щи или лапшу.

Алексей завороженно смотрел, как она шла с подносом, выискивая свободное место. Статная, гордая. Взгляд – мимо всех.

На него Надя больше не посмотрела.

«Безнадежно, – подумал Алексей. – Где она и где я?»

На ее орбите никогда не будет таких… Робких, трусоватых, нескладных, неловких.

Да и быть не должно. У таких женщин – свои герои. Куда уж ему?..

* * *

Дом свой он любил. И семью свою тоже. Жили они в старой, даже древней, квартире – дому было под сотню лет – девятнадцатый век.

Построен он был как доходный – квартиры всегда сдавались внаем.

Квартиры были разные – большие и не очень. После экспроприации дом был поделен на коммуналки, а квартиры – на крошечные клетушки.

А им повезло – дали отдельную. Ну понятно что по «заслугам» – дед был известным физиологом, учеником Павлова.

В тридцатые деда «сохранили» – ограничились только «шарашкой».

Бабка, вторая дедова жена (первая, мать его сына, скончалась при родах), была тоже не «фунт изюму» – писала детские книжки про беспризорников, взращенных в детских домах и попавших в «большие люди».

Власть она не славила – искренне в нее верила, была коммунисткой ярой и убежденной.

К тому же и сама детдомовка, у которой «все получилось».

Деда Алексей не застал, а вот бабка Анна Васильевна жила долго, до конца шестидесятых. На стене в ее комнате висели в ряд Ленин, Сталин и почему-то маршал Жуков – любимый герой. И ни одного портрета писателя у нее, собственно тоже писателя, не было.

Видимо, не нашла она среди собратьев героев.

К неродному сыну, отцу Алексея, она относилась неплохо – ну, как могла. Нежности презирала, ласки и поцелуи были запрещены, баловство, разумеется, тоже. Но относилась к пасынку ровно и заботилась о нем от всего своего неласкового и строгого сердца.

Квартира была трехкомнатной плюс темная комната, как ее называли. Подростком он узнал, что это была комната прислуги. Темной, кстати, она не была – высоко под потолком находилось окошко – узкое и длинное, нестандартное, выходящее на внутренний двор.

Поначалу там хранился всякий хлам, который бабка Анна не давала снести на помойку. А после ее смерти «темная» была очищена и разобрана – и в четырнадцать лет на законном основании там поселился Алексей.

Встали в «темную» только узкая «мальчиковая» кровать, тумбочка и венский стул. Книжные полки он прикрутил сам – что еще нужно?

Бабка Анна занимала среднюю комнату – полукруглую, окнами во двор, – самую уютную и самую теплую. После ее смерти она и стала родительской спальней.

В большой была столовая, как говорила о комнате бабка. Но функций своих она не выполняла – ели по привычке на кухне, так что столовая почти всегда пустовала – мать не любила бабку Анну, побаивалась ее и старалась без дела с ней не контачить.

Собирались на кухне, широкой, квадратной, с окном во всю стену и огромным овальным столом. Бабка сидела во главе, всегда на своем месте – попробуй займи! Даже в ее отсутствие это в голову бы никому не пришло.

На кухне стоял темный буфет с резными дверцами и толстенными мутными стеклами, в нем держали посуду и сладости: конфеты, печенье, фрукты. Сладости контролировала бабка Анна.

Готовила мать – бабка к хозяйству отношения не имела. Сидела она в своей комнате, читала газеты, что-то записывала в свои многочисленные рыхлые блокноты и слушала радио.

В третьей комнате, самой маленькой, жили родители.

А потом появилась Тёпа.

Позже он понял: бабка Анна Васильевна была аскетом – истинной дочерью своего времени. После ее смерти, разбирая ее барахло, были обнаружены две суконные юбки – коричневая и черная. Две блузки – белая, в желтизну от стирок и старости, и темная, из серой фланели, с катышками на рукавах и воротнике. Две пары ботинок – разношенных, со сбитыми каблуками и ветхими, растрепанными шнурками. Двое нижних панталон из бязи и байки и один бюстгальтер с поломанными крючками. Пальто из коричневого драпа висело в прихожей, рядом с «пыльником» из серого сукна на пластмассовых «обкусанных» пуговицах. Там же, в прихожей, торчал вечный зонт – черный, с потертостями на спицах и деревянной ручкой с облезлым лаком.

На комоде в бабкиной комнате не было ни пузырька с одеколоном или духами, ни коробочки с пудрой, ни самой скромной брошечки, ни сережек, ни колечка.

Только дешевые часы на дерматиновом ремешке. И всё!

Столешница старого тяжелого комода была накрыта не салфеткой, не скатеркой, а куском старого и мутного плестигласа, под которым хранились пожелтевшие газетные вырезки – то, что бабка считала особенно важным.

– Ничем себя не порадовала, – тихо сказала мать, складывая в мешки бабкины вещи. – Словно и не женщина жила, а что-то непонятное, природе неизвестное, что-то среднего рода.

В комнате бабки еще долго стоял запах валерьянки, затхлости и чернил – писала она только старой перьевой ручкой.

После похорон и уборки в комнату бабки Анны переехали родители. В столовой была теперь гостиная – с телевизором «Рекорд», проигрывателем «Ригонда» и горкой с гостевой посудой – вот тогда и зажили, принимая гостей почти каждые выходные – мамину многочисленную родню, отцовских сотрудников и сотрудников матери.

Но продолжалось это недолго – только до рождения Тёпы.

Тот короткий отрезок жизни семьи – между смертью бабки и рождением Тёпы – был самым счастливым.

Мать расцвела, помолодела, со лба исчезла вечная суровая складка – бабкино присутствие довлело во всем, не давая ей, молодой женщине, почувствовать себя хозяйкой.

Из дома исчезли запахи лекарств, старой одежды и обуви. Окна теперь распахивались настежь (мать обожала свежий воздух, а бабка вечно боялась сквозняков). Засверкали натертые мастикой полы, заиграли хрусталики на новой люстре – материной гордости, доставшейся с неимоверным трудом и за немалые деньги.

Теперь в доме пахло пирогами, цветочными духами и жизнью. Все наконец начали жить.

Мать с какой-то одержимостью принялась готовить праздничные блюда – истосковалась по гостям, по общению, по веселому смеху.

Друзья родителей были людьми шумными, горластыми, вечно спорящими и с удовольствием выпивающими.

Спорили о международной политике и автопроме. Говорили о книгах, спектаклях – здесь подключались, конечно же, женщины.

Потом они уходили на кухню, махнув рукой на мужей – что с них взять, опять о политике, – и там продолжали свои бесконечные разговоры: дети, свекрови, наряды…

Отец приходил с работы и с удовольствием заваливался на новый диван в бывшей столовой. «Ох, красота!» – приговаривал он, листая газету и включая на громкий звук телевизор.

«Красота, и никаких нареканий!» – повторял он, поглядывая на мать. И они как-то загадочно переглядывались и почему-то смущались.

Больше всего Алексей любил понедельник. Придя из школы, в полном одиночестве, он с удовольствием прохаживался по квартире, врубал отцовский магнитофон и вместо супа доедал остатки с «барского стола» – чуть зачерствевшие пирожки, квадратики студня, селедку «под шубой» и одиноко плавающие на дне трехлитровой банки маринованные помидоры.

Жизнь была прекрасна – что и говорить!

После такого сказочного обеда Алексей заваливался на отцовский диван и быстро засыпал. Проснувшись, бежал во двор, к мальчишкам. Погонять мяч. За уроки садился только к вечеру, к приходу родителей.

Летом иногда ездили на дачу в Валентиновку. Дача тоже была деда и бабки Анны. Стояла она запущенная, одряхлевшая – никто особенно ею и не пользовался. Большой участок густо зарос бузиной и осокой, яблони переродились, и толку от них было мало – одна только тень и прохлада.

Родители были людьми не дачными: мать говорила, что мыть посуду в тазике – морока и унижение. Дом был сырой, с продувными, щелястыми окнами. Печка давно осыпалась и рассохлась – ее требовалось подлатать, замазать щели и побелить. Но… Заниматься всем этим «хозяйством», как раздраженно называл дачу отец, никому не хотелось.

Приезжали в субботу, а уже в воскресенье утром родители начинали торопливо и нервно собираться в Москву.

А ему – ему хотелось остаться! За участком было огромное футбольное поле и большое костровище – там собиралась дачная молодежь. Гоняли в футбол, разжигали огромный костер, пекли картошку, пели песни, гомонили, смеялись – до рассвета, до самого утра. Расходились по домам только часам к пяти.

Алексей тоскливо поглядывал на честную компанию и тяжело и обреченно вздыхал – он не был ни с кем знаком, так получилось.

А подойти к ребятам смелости не хватало – робел.

С дачи Алексей всегда уезжал с сожалением и какой-то легкой и непонятной ему грустью. Словно опять не оправдались надежды – какие, правда, он не совсем понимал.

Так продолжалось три года. До самого рождения Тёпы.

Пока мать ходила беременная, Алексей нервничал. Конечно, ему хотелось брата.

Алексей рисовал себе мысленно, как он защищает его во дворе и в школе, как учит собирать металлический конструктор – грузовики и подъемный кран.

Как читает брату книжки – свои любимые, разумеется.

Про рождение девчонки, сестры, Алексей и не думал. С девчонками ему было все непонятно. Совсем непонятно. Да и несолидно как-то – сестра!

Нет, «брат» звучит лучше! Да и что делать с девчонками? Он решительно этого не понимал. Глупость какая-то: куклы, пластмассовая посудка, бантики, рюшечки…

Алексей наблюдал за девчонками во дворе: сидят, дурочки, крошат в кастрюльки подорожник, помешивают ложечкой, а потом суют пластмассовой уродице в рот и еще приговаривают: «Кушай, Ира! А то отлуплю!»

Или на нитку нанизывают ягоды рябины, а потом хвалятся, чьи бусы лучше. Чушь какая!

Сплетничают, хихикают, хвастаются и вечно чего-то придумывают! Интриганки!

Всякие глупости, честное слово!

Что ему делать с сестрой? Нет, ерунда получается! Пусть будет брат!

Отец отвез маму в роддом в самом начале марта. Она почему-то странно прощалась с ним, будто уезжала навсегда. Плакала, прижимала его к себе и все время повторяла, чтобы он «был человеком».

Она часто шутила: «Баранкин, будь человеком!»

Был такой мультик. Но тогда она говорила серьезно, безо всяких шуток – так ему показалось.

Наконец отец оторвал ее от сына и, обняв за плечи, осторожно и нежно вывел за дверь.

У двери мать снова метнулась к сыну:

– Лешечка! – закричала она. – Суп в холодильнике, а тушеное мясо на балконе!

– Знаю, мам! – буркнул Алексей. – Ты мне уж сто раз говорила!

Мать разрыдалась, и отец даже прикрикнул на нее, что случалось совсем редко.

Мать положили, отец уехал на службу и каждый час звонил ему: «Лешка, ты как?»

Вечером, после работы, отец пришел хмурый и раздраженный. Ужинать отказался – не хочу.

Курил у окна и беспрестанно названивал в справочную родилки.

Сын ничего не спрашивал, помалкивал. Лишний раз раздражать отца не хотелось.

Гулять он не отпрашивался, сидел у себя и делал уроки.

Наконец услышал радостный вопль отца и выбежал из комнаты. У двери они столкнулись, и отец, счастливый, с трясущимися руками, крепко сжал его плечи и без конца повторял: «Слава богу, Лешка! Все окончилось, слава богу! И теперь, брат, у тебя есть сестра!»

Он отодвинулся от растерянного сына и внимательно посмотрел на него: «Слышишь, сестра! Девулька у нас родилась, Алексей!»

А он только мотнул головой – дескать, «понимаю, да… Ну, что делать – значит, сестра».

Разочарованию Алексея не было предела. Расстроился он до слез – ну, или почти до слез.

Отец удивился и даже растерялся:

– Ну что ты, Лешка?! Это ты из-за того, что не пацан, а девчонка?.. Ну и дурачок ты у меня! Из-за девчонки расстроился! Дурачок, честное слово! Это ж так здорово – ты что, не понял? Еще одна красавица в нашем доме прибавилась! Дееевочка! – распевно произнес отец. – Лапочка, красавица! Как мама наша, уверяю тебя! А ты – ты защищать ее будешь! От всех невзгод. Так брату положено, ты понимаешь?

Алексей вздохнул и согласно кивнул: «А куда ж ее теперь? Не выкинешь же. Только защищать и осталось».

И отец, вытерев ладонью влажные глаза, счастливо и громко расхохотался.

Из роддома мать и сестру забирали через пять дней.

Мать была бледная, похудевшая и снова горячо обнимала Алексея и вглядывалась в его лицо, словно видела его впервые.

Девочку, его новоявленную сестру, положили на обеденный стол и распеленали.

И тут она совсем разочаровала Алексея: ножки и ручки тонюсенькие, хлипенькие. Личико сморщенное и ярко-красное. Глаза прищурены и бессмысленны. И волосики, очень темные и густые, были влажными, словно примазаны маслом.

Ему стало неприятно смотреть на младенца, и Алексей вышел из комнаты.

В комнату к нему зашел отец, сел на стул, вздохнул и сказал:

– Сын! Мы очень любим тебя! Очень, слышишь? Но… Девочку эту, твою сестру, мы тоже уже очень любим! Потому что… Нормальные родители любят своих детей! Одинаково любят – ты меня слышишь? И доченька наша еще будет красавицей! Все груднички, знаешь ли, выглядят сначала как-то… не очень. Ты тоже, брат, Аполлоном не был – ты уж прости! В общем… – отец встал и хлопнул себя по коленям. – В общем, еще как будешь ею гордиться! Помяни мое слово! Больше всех любить будешь эту… малявку!

«Ага, как же, – подумал Алексей, – больше всех! Ну, уж не больше мамы, наверняка!»

И он уверенно усмехнулся.

Сестру назвали Наташей. Спрашивали и его, Алексея, мнение, но он невежливо отмахнулся: «Мне все равно! И вообще, в женских именах я ничего не понимаю. Наташа – значит Наташа!»

Она, конечно, ему мешала – громко орала по ночам, например. Он даже удивлялся: как из такого крошечного тельца вырываются такие отчаянные децибелы?

В ванной теперь всегда стоял в ожидании отца большой старый таз с замоченными пеленками.

Пеленки, конечно… воняли. А когда Алексей увидел на ползунках ярко-желтые, похожие на горчицу следы, его вообще чуть не вырвало.

Теперь у сестры глаза были открыты. Они оказались темно-синими, в обрамлении длинных черных ресниц.

Смотрела Наташка на все внимательно, изучающе – на люстру, потолок, подвешенные к кроватке погремушки.

Близко он не подходил, изучал сестренку со стороны, поодаль.

А как-то все же пришлось подойти. Мама выскочила «на минутку» за хлебом и строго наказала: «Если Наташка начнет выступать – подойди и дай соску! Только руки помой, слышишь?»

Ну и, конечно, как назло, как только за матерью закрылась дверь, сестра развопилась.

Алексей нехотя подошел к кроватке сестры, увидел ее сморщенное личико, искаженное гримасой рыданий, и грубо спросил: «Ну, что там у тебя случилось?»

Вдруг малышка замолчала, удивленно уставилась на него, и пару минут рассматривала его с интересом. А потом вдруг улыбнулась.

Улыбнулась широко, обнажив блестящие голые десны, и радостно задрыгала ножками.

Брат тоже посмотрел на нее с удивлением – с большим удивлением, надо сказать. И увидел, что она очень хорошенькая – синеглазая, чуть курносая, с забавными ямочками на щеках.

Наташка и вправду была похожа на маму… Получается, отец его не обманул.

Считалось, что Алексей тоже похож на мать. Он подскочил к зеркалу и стал внимательно разглядывать себя.

Дааа… Похож. В смысле, он – на маму, и сестра – на нее же. Получается, что они с сестрой тоже похожи?..

Ну, совсем интересно!

Алексей снова подошел к кроватке, и Наташка опять заулыбалась ему.

– Ну, – все так же грубовато произнес он. – Чего лыбишься?

И, взяв погремушку, погремел ею перед носом малышки.

В этот день все и переменилось. Теперь, возвращаясь из школы, Алексей торопливо мыл руки и бежал к ней, к своей сестренке. А она, едва увидев его, тут же прекращала любые свои притязания, и даже самый громкий плач внезапно прерывался.

Слезинки дрожали и блестели на круто загнутых густых ресничках, и снова улыбка «до ушей», как говорил он.

Когда Наташе исполнилось шесть месяцев, мать разрешила брать сестру на руки.

– Только осторожно! – каждый раз повторяла она. – Маленькие дети – они такие верткие! Не успеешь и охнуть, как она уже на полу окажется!

Но сестра не была верткой – на его неловко сложенных руках она сидела спокойно. А однажды положила головку на плечо брата, и Алексей почти

задохнулся от внезапно накатившей нежности. И тогда впервые почувствовал и любовь, и ответственность за нее. И еще – какую-то смутную и тягучую, непонятную тревогу…

…Счастливая жизнь их семьи закончилась, когда Наташе исполнилось три года. Она заболела. Вначале это был обычный грипп. Переболели и отец, и мать. Держался только он, Алексей. Почему-то болезнь его пощадила.

И тут заболела сестра. Казалось бы, все прошло, как проходят простуды, всякие вирусы и даже противный и опасный грипп. Но через пару месяцев Наташка вдруг перестала вставать на ножки. Потом из ее ладони выпала чайная ложка, которой она ела кашу. Потом рука не удержала маленького пластмассового пупса. Дальше – зубную щетку… Мышцы маленькой девочки вдруг потеряли всякую силу – словно выключились из жизненного процесса.

И началось… Больницы, институты, всевозможные светила, предложенные знакомыми. Диагноз поставили почти сразу, но… Родители верить отказывались и продолжали свои бесконечные и изматывающие походы по врачам. А дальше – по знахаркам и даже колдуньям.

Мать и отец сдали резко: мама перестала закрашивать появившуюся седину, делать завивку и маникюр. Она вообще махнула на себя рукой – по дому ходила в старом халате с проплешинами на локтях и карманах.

Отец тоже здорово сдал. Нещадно смолил на балконе, молчал и часто смотрел в одну точку.

В дом пришла беда. И самое страшное, что эта беда не имела конца – прогнозы на болезнь девочки были неутешительны. Навсегда… Какое страшное слово!..

Ходить не будет, держать ложку – вряд ли. Да, мозг не затронут. И речь в порядке, но… В доме появился тяжелобольной человек, беспомощный инвалид – это надо понять и принять.

Но принять такое было сложно. Порой казалось, что жизнь закончилась. Нет, конечно, она продолжалась. Казалось бы…

Но, это была совсем не та жизнь, которой они жили прежде. Смех из дома исчез – как не было. Поездки и отпуска не планировались. Теперь говорилось только о санаториях для Наташи. Окна не распахивались, как раньше. И в них не врывались свежий ветерок, запах весны, гомон улицы, перезвоны трамваев и пение птиц.

Мать стала всего бояться: свежего воздуха – не дай бог, Наташа простудится! Гостей – они потревожат покой дочери, да и вообще… Разве им сейчас до гостей?..

Теперь их гости – массажистка из поликлиники, медсестра, делающая Наташе уколы, и пожилой профессор-невролог, которому мать «доверяла».

Алексей тоже страдал. Вместе с родными. Конечно, ему было жалко мать и отца. Разумеется, он жалел эту девочку, свою сестру, которую уже успел полюбить. Ну, или почти полюбить. По крайней мере, он к ней привык.

Но еще больше он ее… стеснялся! В доме все, разумеется, знали: у Сосновских несчастье, дочь – инвалид. И за что им такое? Приличные люди, хорошая семья. Конечно, беда. И девочка славная – хорошенькая такая, синеглазая, улыбчивая. Ресницы стрелами, ямочки на щеках. Чудо, а не девочка! А такая беда…

«Нет в жизни справедливости, нет, – причитали старушки на лавочке у подъезда. – Какая была семья…»

Молодые молча отводили глаза. Пацанва во дворе и девчонки смотрели на него, Лешку, с сочувствием – вот ведь не повезло!.. Но молчали. Никто никогда ничего не спросил – за это спасибо.

Позже, когда Алексею исполнилось лет четырнадцать, стыд и неловкость отошли – наверное, повзрослел. Теперь он был готов защищать, оберегать, обороняться ото всех, кто может обидеть, затронуть его женщин – маму и Тёпу, его сестру.

Кстати, Тёпой назвал ее Алексей, когда она как-то не удержала в руке легкую пластмассовую кружечку с киселем. К тому времени они уже многого добились: сестренка самостоятельно ела, держала вилку и ложку, могла отломить кусочек хлеба и удерживать чашку с холодным (горячий чай давать ей пока боялись –

вдруг разольет, обожжется?).

Алексей вздохнул, взял тряпку и стал подтирать, приговаривая: «Эх ты, Тёпа-растепа! Ну, не реви! Это всего лишь кисель!..»

И она улыбнулась: «Вот точно – Тёпа-растепа! И как вы меня еще терпите?..»

Алексей поднял глаза и увидел слезы, которые катились по ее щеке:

– Да ладно тебе, Наташка! Делов-то – с копейку!

Она кивнула и отвернулась.

И в этот момент у Алексея впервые в жизни заболело сердце. И еще он понял, что девочку эту, свою сестру, свою Тёпу-растепу, он никогда не оставит. Никогда и ни за что! Потому что…

Да что говорить…

Человек ко всему привыкает. Даже к самому сложному положению дел. Приспосабливается. Конечно, вся жизнь их семьи была по-прежнему завязана на Тёпе и ее болезни. И прежней жизни, как оказалось – совершенно беззаботной и радостной, – у них уже больше не будет никогда. Но… жили. Жили в новых обстоятельствах, приноровились, как говорится.

Мать боролась с болезнью дочери самоотверженно, как любая хорошая мать. На себя она давно махнула рукой. Теперь быт, удобства, распорядок – весь хронометраж их жизни подчинялся только болезни.

Летом мать и сестра уезжали в санаторий – на грязи. Наташка и вправду приезжала окрепшая, порозовевшая. Хвасталась своими успехами: как ловко она держит ложку, как сама надевает футболку, как расчесывает волосы.

Наташа много читала. И Алексей таскал ей книжки из школьной и районной библиотек.

Когда ей исполнилось двенадцать, купили коляску – выносить девочку на руках стало уже тяжело.

Алексей спускал коляску по лестнице – в лифт она не входила, – а сестру сажал на спину и таким образом они заходили в лифт.

Наташка дула ему в ухо, а он кричал на нее и грозил уронить.

Им было смешно. На улице брат аккуратно усаживал сестренку на ее «трон» и вез по улицам. Они любили ездить к метро – за мороженым и пирожками.

Уезжали далеко от дома, и мать про это не знала.

Потом это стало привычным. Алексей возил сестру в центр – на Арбат и на улицу Горького. Наташа любила поглазеть на людей и витрины. Это называлось у них выходом в свет.

Алексей видел, как она рассматривает молодых девчонок, своих ровесниц, пробегающих мимо. Громко смеющихся, нарядных и ярко накрашенных. И видел, как грустнеют ее глаза.

И у него опять начинало щемить сердце. От жалости и от любви.

Они делали передышку в каком-нибудь сквере, ели мороженое, крошили голубям белую булку, разглядывали прохожих и болтали о жизни.

Им было хорошо друг с другом. И никогда не бывало скучно.

Учителя приходили на дом. Наташка училась самоотверженно: старательно делала домашние задания, сама билась над сложными задачками.

Все в голос твердили: девочка повышенных способностей! Просто талант, да и только! Ну, почти во всех областях. И горестно вздыхали: поистине, бодливой корове бог рога не дает!..

В десятом классе Алексей твердо решил поступать в медицинский. Конечно, из-за сестры. Ну, или частично из-за сестры. Обосновал свое решение так: в доме всегда будет медик, знающий человек. Ну, и если что…

Мать грустно усмехнулась:

– Лешка! Ты что, собираешься с нами всю жизнь колупаться? Ну, ты дурачок!.. Какой врач в доме? Ты же женишься, у тебя будет семья! И врачевать ты будешь уже в своем доме. Впрочем, если решил – тогда действуй! Сыном-врачом я буду только гордиться!

А однажды Тёпа горячо прошептала ему в ухо: «Становись скорее доктором, Лешка! Может, хоть ты меня вылечишь!..»

Он чуть не заплакал тогда! И как только сдержался?.. Как сумел проглотить тугой комок в горле – не понял и сам.

Ну, и за дело! Алексей начал готовиться. К тому же химия и биология были его любимыми предметами.

…Во второй мед он поступил – правда, с натяжечкой: не знали до последнего – пройдет или нет. Не хватало полбалла. Но в последний момент все благополучно разрешилось.

Именно там, в институте, Алексей встретил Надю – в ее дурацкой и неудобной юбке. Влюбился сразу и насмерть – больше ни на кого смотреть не хотел. Учился хорошо, но звезд с неба не хватал, честно говоря. Да и в какой-то момент понял: хирургия – в любом ее проявлении – точно не для него. Не то чтобы он падал в обморок при виде крови или задыхался в анатомичке – нет, этого не было. А просто… Ну, как объяснить? Просто не для него была хирургия. А он – не для нее.

Уже на третьем курсе решил, что профессию выберет спокойную и бескровную – терапию или, допустим, неврологию.

А еще лучше – сидеть бы где-нибудь в научном институте и заниматься наукой…

Все парни, разумеется, стремились именно в хирургию. На крайний случай – в урологию или гинекологию. Девчонки хотели попасть в ларингологи, дерматологи или окулисты.

Андрей же мечтал о Наде. Она была для него звездой недосягаемой, невозможной. Он даже и думать о ней не смел. «Да чтобы она! Да с ним! С эдаким середняком, незаметным и серым, ничем не выделяющимся… Хлипким и неспортивным…»

На четвертом курсе – точнее, первого сентября, после каникул – Алексей увидел Надю после долгой разлуки и вконец ошалел. Хороша она была пуще прежнего: загорелая дочерна, похудевшая. С какими-то шальными и тревожными глазами, словно узнавшая какую-то тайну, которая переполняла ее и от которой она задыхалась.

А в октябре Надя пропала. Пропала надолго, недели на две. Он подошел к ее подружке Мироновой и, краснея и бледнея, спросил, где, собственно, Надя.

Миронова посмотрела на него с усмешкой:

– Интересуешься?

Алексей пожал плечами:

– А что тут такого?

– В больнице была, – коротко бросила Миронова.

– А что с ней? Что-то серьезное? – испуганно спросил Алексей.

Миронова крепко затянулась сигаретой, посмотрела на него внимательно, словно изучая, и нехотя процедила:

– Ага, серьезное! – криво усмехнулась она. – Да такое «серьезное» для баб – как два пальца!..

Алексей стоял растерянный и ошарашенный.

– Не понял? – уточнила Миронова. – Ну, ты пентюх, Сосновский! А еще в докторишки стремишься!

Миронова бросила в урну окурок, развернулась и пошла прочь.

– Лен! Подожди! – крикнул Алексей и бросился вслед.

– А ей ничего не надо? Ну, в смысле, привезти там… Помощь, может, какая…

– Не надо, – отрезала Миронова. – Она уже дома. Почти оклемалась. Дня через три придет в институт.

Лена почему-то хихикнула и покачала головой, явно насмехаясь над ним.

А Надя и вправду появилась через три дня – еще больше похудевшая, бледная и замученная. На лекции Алексей искоса смотрел на нее, и она, заметив его взгляд, обернулась и как-то зло, раздраженно глянула на него, а потом резко отвернулась.

На улице, у урны, где собирались курящие, Алексей увидел Надю. Она тоже затягивалась сигаретой, но ни с кем не общалась – стояла чуть поодаль.

А потом быстрым шагом пошла к метро. Алексей догнал ее, тронул за плечо.

Надя обернулась резко:

– Чего тебе надо?

Алексей растерялся, неловко помолчал, а потом спросил:

– Может, помощь какая? А, Надь? Может, что-нибудь надо?..

Теперь Надежда внимательно, изучающе посмотрела на него – так, словно увидела впервые.

– Надо? – недобро переспросила она и задумалась.

Потом нервно рассмеялась и сама себе ответила:

– Да! Надо! И очень! Может, хочешь узнать что? В смысле – чего мне не хватает?

Алексей туповато кивнул.

– Уверен? – с такой же лихостью повторила она. – Не пожалеешь?

В ответ Алексей неуверенно мотнул головой.

– Ну, тогда слушай! – решительно начала Надежда.

Отца свалил тяжелый инфаркт. К счастью, удалось выкарабкаться, но работать ему категорически запретили. Инвалидность… Копеечная пенсия по той же инвалидности… Давно не работающая мать и инвалид Тёпа… Как жить? И на что? Нет, конечно, у Тёпы тоже была пенсия. Но все равно этого катастрофически не хватало.

Выручила смекалка: купили в долг вязальную машину, и мать начала вязать.

Вязала все: свитера мужские и женские, юбки, костюмы, рейтузы, шапки, варежки, шарфы. Но надо было еще доставать пряжу – вот в чем основная проблема!

Через знакомых нашли какого-то выездного мужичка, дипкурьера, и тот начал таскать из-за границы мохер. Для него это дело было очень выгодным – мотки были почти невесомыми, а стоили прилично.

Словом, процесс был налажен. Тёпа тоже пыталась помочь – придумывала фасоны и рисунки, и в этом, как и во всем остальном, преуспела.

Страдал только отец. Для него, работающего и абсолютно советского человека, подобная история была оскорбительна дважды: во-первых, он перестал быть

добытчиком и кормильцем, к тому же оказался дополнительной обузой для семьи. А во-вторых, этот практически подпольный бизнес вызывал у отца брезгливость и страх.

В доме теперь пахло шерстью: она была разложена, размотана по стульям и дивану. Шерсть стала хозяйкой в доме. К матери приходили заказчицы – осторожно, оглядываясь. Вот чего боялись они? – Непонятно. Остерегаться должна была только мать.

Сварливой и вредной соседке по лестничной клетке бесплатно, в подарок, мать связала две кофты – чтобы просто закрыть ей рот, когда та намекнула на фининспекцию.

Денег в семье реально прибавилось. Уже не экономили так, как прежде. Правда, мать совсем падала с ног – Тёпа, отец и еще вязание…

Алексей тоже попытался помочь – устроился ночным грузчиком в булочную. Но от вечного недосыпа завалил пару зачетов, и родители настояли, чтобы с работы он ушел.

– Ты, главное, учись! – убеждали его родные. – Ты должен крепко стоять на ногах. Мы же не вечные, Лешка!

С Тёпой они по-прежнему были лучшими друзьями. Приходя из института или с больничной практики, Алексей первым делом заходил к сестре.

Присаживался напротив и начинал рассказывать, как прошел день.

Тёпа слушала его очень внимательно, не пропускала ни единого слова.

Комментировала, давала советы, высказывала свое мнение.

Иногда он просил у сестры совета. И снова, в который раз, удивлялся ее житейской мудрости и здравому смыслу.

А однажды рассказал ей про Надю.

– Она хорошая! – уверенно резюмировала Тёпа. – Думаю, мы с ней станем большими друзьями! Нет, я уверена: она – замечательная! Потому что мой прекрасный брат мог полюбить только самую лучшую!

И тут Алексей неожиданно для себя растерялся, и от неловкости только пожал плечами.

Тот разговор у метро потряс Алексея до глубины души. Горящие глаза Надежды, ее перекошенный рот, сведенные брови словно фотография запечатлелись в его памяти.

– Рассказать? – полушепотом кричала она. – Все тебе рассказать или не все? Может, пожалеть тебя, бедного? – Тихого московского мальчика. Маменькиного сыночка. Благополучного, удачливого, хорошо одетого и накормленного…

Алексей слушал молча, с опущенными глазами.

– Ну тогда слушай! Внимай! – выкрикнула она.

Говорила Надя минут десять без перерыва. Говорила быстро и страстно, выплескивая свой гнев и обиду – на жизнь, на судьбу. На родителей.

Говорила, что не чаяла вырваться из своего поселка, из глухомани, из вечного холода и страшной тоски.

Говорила, что отец сильно пил, а мать боялась его как огня и все терпела, терпела… Пока от сердца не умерла – совсем молодой, в сорок лет. «Забитая дура», – вдруг тихо, после небольшой паузы заключила Надя.

Рассказала, как ходила с утра в школу – по обледеневшей дороге, скользя и падая, разбивая колени, в глухой темноте деревенского, хмурого, стылого утра.

Как холодно было в бревенчатой школе, когда среди дня приходилось подтапливать печь – по очереди, по дежурству.

И как больше всего на свете ей хотелось вырваться из этого ада, из этой нищеты и убогости. Вот поэтому она и поставила цель – уехать! Уехать и никогда больше не возвращаться! Никогда! Забыть все это как страшный сон!

– А в городе приходится жить на одну стипендию, между прочим! – уже не так горячо продолжала Надя. – Ты знаешь, что это значит – прожить месяц на сорок рублей? Нет, ты ответь! – требовала она. – Пропитаться, кое-как одеться – пусть не модно, но хотя бы так, чтобы было тепло и сухо! Понимаешь, тепло? И чтобы сапоги не протекали! Купить учебники – не все есть в библиотеке. Колготки, косметика – ты понимаешь?..

Я жить хочу, понимаешь? Жить! Я ведь еще не жила…

Алексей, не поднимая глаз, молча кивал.

Наконец Надежда замолчала и презрительно выдохнула:

– Ну да! Понимаешь!.. Да что ты можешь понять? Ты ведь благополучный, счастливый! И папа у тебя есть, и мама! И квартира на Чистых прудах! Наверное, и машина у вас имеется?

Он кивнул:

– Да, имеется…

Сказал, как извинился.

Надя криво усмехнулась:

– Ну да, разумеется. И дача, поди, есть?

– И дача. – Алексей тяжело вздохнул. – Вот только…

Он замолчал, передумав рассказывать об их семейной беде.

Надя махнула рукой – пренебрежительно, высокомерно:

– Ладно, живи…

И она быстрыми шагами пошла прочь. Потом резко обернулась и жестко бросила:

– И перестань ходить за мной! И пялиться перестань! И жалеть меня не надо!

С вызовом вскинув голову, Надя поспешила к метро.

Дней через пять, в случайном разговоре с приятелем, он услышал, что Надя сделала аборт.

Он вздрогнул, почувствовал, как кровь отлила от лица, и хрипло переспросил:

– Аборт? Надя? А тебе откуда известно?

Дружок хохотнул:

– Да это всем известно! Ты что, не слышал? С осложнениями какими-то… Чуть коньки не отбросила! Надеялась, наверное, что папаша ребеночка вдруг одумается и под венец позовет! Вот и дотянула, дурища!..

– А кто… папаша? – осторожно спросил Алексей.

Приятель пожал плечами:

– Да точно не знаю… Говорят, какой-то хрен с пятого курса. Красавчик какой-то, богатый чувак. И чей-то наглый сынок…

– А… – приятель прищурил глаза и внимательно посмотрел на Алексея, – ты и вправду Надькой интересуешься? В смысле, на полном серьезе?

Алексей покраснел, замялся:

– Ну… одногруппница все-таки… Живой человек. Не подойдешь ведь и не спросишь… Неудобно как-то. А вижу, что с ней что-то не так…

Приятель снова хохотнул:

– Ага, неудобно! Да весь институт знает, по какому поводу Надька в больничке была! Ты один у нас непросвещенный!

Дома было невесело: у Тёпы обнаружилась аллергия на шерсть, и «бизнес» пришлось прекратить. Кто был искренне рад, так это отец. Говорил, что надоело ему не спать по ночам и думать, что их «заметут». «Теперь вздохнем спокойно!» – радостно заключил он, потирая руки.

А как было жить? Как?! Две инвалидные пенсии – жалкие крохи, даже для скромного, почти нищенского существования. А курорты для Тёпы? А массажисты, врачи? Наконец, новое кресло-каталка?

Страдала Тёпа, считая, что по ее вине все «накрылось». Страдала и сходила с ума мать, не спал по ночам Алексей.

А к лету, сдав сессию, объявил, что уезжает на шабашку – строить коровники в Нижегородской области. Шабашку предложил дворовый приятель, дружок детских лет.

Рвануть решили в июле. А перед отъездом Алексей увидел Надю. Она уже почти пришла в себя, чуть поправилась, порозовела и снова стала звонко смеяться.

Алексей подошел к ней проститься перед каникулами и невзначай сказал, что едет на стройку – про коровники говорить было неловко.

– А повариха вам не нужна? – подколола его Надя. – А то я с радостью!

– Ты это… Серьезно? – смутился Алексей.

Надя вздохнула:

– Ну и дурачок ты, Сосновский! Принял всерьез!.. Нет уж, я лучше на море! В Сочи рвану. Ну, или в Гагры. Говорят, там неплохо. Весело!

Стоявшая рядом подружка, Миронова, посмотрела на Надю строго и осуждающе:

– Не навеселилась, Надежда? Требуешь продолжения? Да и деньги… Откуда?

Надя покраснела и, махнув рукой, быстро вышла из аудитории.

Закинули их в глухое село. В пяти километрах от села располагался совхоз. Коровник надлежало построить именно там. Расселили по домам – точнее, по домикам. Домики в деревне были старые, довольно ветхие, некрашеные, с коричневыми от ржавчины крышами. В селе оставались старики и публика после сорока: женщины работали на ферме, а мужики – кто как устроится. Мужиков было мало, да и те в основном были пьющие и никудышные. Молодежь разлеталась по городам – делать в селе нечего, да и скука была невероятная. Старый клуб заброшен, со стен свисали клочья облупившейся штукатурки. Внутри сыро, деревянные полы прогнили, из окон дуло. Кинофильмы старые, шестидесятых годов, привозили по большим праздникам – перед ноябрьскими и майскими.

Был магазинчик, но там продавались только хлеб, маргарин, толстенные серые макароны и килька в томате.

Но они не голодали: с собой навезли тушенки, крупы разные, плоские жестяные банки селедки, большой мешок чая и разных сладостей – печенья, сушек, конфет.

Готовили по очереди, варили бадью супа, а макароны и перловку заправляли тушенкой. Картошку брали у местных.

Работали с семи утра до восьми вечера, с перерывами на обед и чай.

Чтобы неплохо заработать, требовалось отстроить коровников пять. Но в августе зарядили дожди, и работа затормозилась. Почти десять дней валялись на сеновале и отсыпались.

Пришло два письма из дома. Мать писала подробно. Про Тёпу, отца и дачу. Про то, сколько она сварила варенья: «Это такое подспорье, сынок! – писала мать. – Нет, ты подумай: на хлеб у нас будет всегда, а хлеб с повидлом – и сытно, и вкусно!» И перечисляла: сливового – шесть банок, вишневого – семь. Клубники и крыжовника – по пять. Потом она писала, как скучает и как волнуется за него: сыт ли, обут? Здоров ли?

Алексей отвечал коротко и бодро: «Все замечательно и просто прекрасно! Сыт, обут и здоров! Ну, и скучаю, конечно».

После пятнадцатого дожди наконец прекратились, и они с удвоенной силой взялись за работу. За это лето Алексей похудел на пять килограммов. Но поздоровел. На руках появились бугры окрепших мышц. Загорел почти дочерна. И без того светлые волосы выгорели до цвета соломы. Алексей смотрелся в осколок зеркала в хозяйских сенях и не узнавал самого себя.

Подельники бегали в большое село за двенадцать километров – оно было еще «живое». В селе еще действовал клуб и даже проводились дискотеки по выходным.

Алексей не пошел ни разу, продолжая думать о Наде.

Он жалел ее… Так жалел, что сердце болело. «Глупая моя, бедная, обманутая провинциалка, – так он думал о Наде. – Одинокая, нищая и красивая… И вот нашелся подонок… Теперь она наверняка перестала верить в людей – вот что ужасно! Возможно, не дай бог, больше не сможет родить… После такого-то… А если не сможет – поломанная и переломанная женская судьба ей гарантирована…»

Ночью, лежа без сна на скрипучем пружинном матрасе, Алексей размышлял о нелегкой деревенской жизни. А ведь такая жизнь была и у нее, его Нади! Колодец, ведра, печь, огород, поля картошки, скотина, размокшие, непроходимые улицы после дождя…

А если бы такое случилось с Тёпой? Если бы ей попался такой мерзавец?!

В эти моменты Алексей покрывался холодным потом. Он забывал, что с его сестрой никак не могло произойти что-то подобное.

Потом доходило: с Тёпой такое случиться не может!

А потом становилось страшно еще и от мысли, что никогда с его Тёпой подобное не случится…

Ребята крутили романы с деревенскими девчонками, шумно обсуждали свои подвиги на сексуальном фронте, посмеивались над наивными аборигенами. Алексею все это было противно – и этот фарс, и хвастовство, и удалая лихость, и пошлость.

В конце августа «бугор» рассчитался с бригадой. Деньги, по непреложному закону шабашки, поделили поровну. Вышло по две тысячи на брата. Кто-то остался недовольным и пытался поспорить с бригадиром. А Алексей был отчаянно счастлив: две тысячи сулили вполне безбедную жизнь их семьи практически на целый год!

«Ну, и плюс мамино варенье, – улыбнулся он про себя, пересчитывая заработанное. – Проживем!»

В Нижнем рванули в центральный универмаг, и там повезло: в конце месяца, для плана, иногда выбрасывался дефицит.

Тетки в очереди за польскими блузками недовольно шипели на заезжих гастролеров – шумных и наглых молодых москвичей. Но те их разжалобили: дескать, подарки покупают матерям и любимым!

Тетки принялись бурно советовать: цвет, размер и так далее.

Уже у прилавка Алексея вдруг осенило: Надя! Но брать ей кофточку было как-то неловко…

Ладно, проехали! Кто он ей, собственно, чтобы подарки дарить?

Зашел в отдел ювелирных украшений. А если?.. Замер, ничего не понимая в этом вопросе. Мать давно украшения не носила и, разумеется, не покупала. Про Тёпу и нечего говорить.

Продавщица, молодая и симпатичная, приветливо улыбнулась и предложила помочь.

– Невесте? – лукаво спросила она.

Алексей растерялся, залился пунцовой краской и буркнул:

– Почему сразу невесте? Сестре!

Ну и выбрали: тоненькую золотую цепочку с кулончиком – листик клевера, три лепестка и прозрачный камешек посередине. Алексей представил цепочку на загорелой Надиной шее и как дурак заулыбался. Как счастливый дурак!

Очень хотелось в Москву! Нестерпимо! Домой – под горячий душ, к маминому борщу, семейным разговорам. К бурчанию отца, торопливым маминым докладам про дачу и заготовки. К Тёпе… К их разговорам за полночь, к родному шепоту, родным запахам. Дом!..

От вокзала взял такси. Во-первых, хотелось шикануть, а во-вторых – поскорее очутиться дома.

Таксист резко и громко, с таксистским шиком, затормозил у подъезда, и Алексей, едва выскочив из машины, закинул голову вверх: из окна на него смотрели Тёпа и мама.

Он помахал им рукой и бросился в подъезд. Не дожидаясь лифта, бегом рванул по лестнице – так будет быстрее!

Дома пахло… домом.

После душа, где Алексей долго полоскался, пофыркивая от удовольствия, соскучившись по беспрерывно льющейся тугой струе горячей воды наконец сели за стол.

Он ел некрасиво, торопливо. Но всем было весело. «Оголодал парень!» – смеялся отец. А мать грустно качала головой: «Лешка! Ну ты не спеши, поросенок!»

Тёпа счастливо смеялась и гладила его по руке: «Ешь, Лешечка, ешь! Свинячь в свое удовольствие!»

– Да! – Алексей резко вскочил с места, роняя вилку на пол. – Какой же я болван!

Он хлопнул себя по лбу и бросился за рюкзаком.

Торжественно вытащил оттуда пакет с маминой блузкой, бутылку армянского для отца: «Пять звезд, пап! Ты не думай!» А потом торжественно протянул матери пачку денег, схваченную аптечной резинкой.

Пачка была увесистой. Мать качнула головой, расплакалась и села на табуретку:

– А себе хоть оставил, сыночек?

– Мне? Для чего? – удивился Алексей.

– Для удовольствий, – ответила мать. – В кафе там сходить или девушке купить что-нибудь…

Алексей махнул рукой и посмотрел на Тёпу. Она, казалось, напряженно чего-то ждала. Или нет? Ему показалось? Сестра смотрела на Алексея во все глаза, словно спрашивая: «А мне? Мне – ничего? А я так ждала, Лешка!..»

И тот, хлопнув себя по лбу и заметно покраснев, снова сунулся в рюкзак. И вытащил оттуда коробочку с цепочкой и трилистником:

– А это тебе, Тёпка! Носи на здоровье!

Сестра вспыхнула лицом, открыла коробочку, и все дружно ахнули.

Какая красота!.. Лешка, балуешь ты нас!

А он отмахивался, продолжая хлебать уже остывший борщ, и смущенно просил прекратить «прения по теме».

С Тёпой они болтали до двух ночи, пока он, широко зевая, не сказал:

– Все, Тёпка! Остальное – завтра!

Тёпа кивнула и чуть задержала его руку в своей:

– Спасибо тебе, Лешик! Я о таком и не мечтала!..

– Да ладно тебе, – небрежно отмахнулся брат. – Сколько еще впереди!

Первого сентября было почти жарко – градусов двадцать шесть, не меньше.

Алексей надел новую голубую рубашку, купленную «по случаю» матерью. «К твоему загару и твоим глазам – самое то», – заверила она.

Во дворе института было шумно и весело. Все изучающе оглядывали друг друга, похлопывали по плечу, обнимались, наперебой рассказывали последние новости и делились впечатлениями от прошедших каникул.

Алексей вглядывался в толпу, пытаясь найти Надю.

Наконец увидел. Она шла от ворот – медленно, чуть покачиваясь на высоких каблуках. Еще издали Алексей заметил, что она совершенно не загорела, скорее наоборот – бледная, со впавшими глазами и темными подглазьями, похудевшая и словно усталая. Ее прекрасные пшеничные волосы словно поблекли и выглядели неживыми, постаревшими, что ли.

Алексей, замирая от любви и страха, подошел к группке девчонок, к которой прибилась Надя.

Надя молчала, чуть усмехаясь, сосредоточенно курила длинную сигарету, услужливо предложенную каким-то тощим лохматым парнем.

Они поздоровались.

– Ну, как провела? – тихо спросил Алексей.

– Кого? – переспросила Надя с лукавой улыбкой.

Алексей смутился, заговорил что-то быстро, торопливо – про Сочи и Гагры… А она резко оборвала его и сухо ответила:

– Я в деревне была. В отчем доме. Папаша изволили приболеть. Вот и пропахала там все два месяца! Ну красота, как ты понимаешь!.. – Лицо ее зло искривилось, и в глазах появились слезы. Надя отвернулась, устыдившись, и бросила сигарету в урну: – Сочи! – повторила она – там были такие Сочи, что хотелось сдохнуть!

– Да ладно, не переживай! Сколько еще будет всего в этой жизни! И Сочи, и Гагры! Да все впереди!

– Утешитель! – зло бросила Надя. – Тебя бы туда! А загар, я смотрю, у тебя приморский! Не подмосковный загар! Хорошо небось время провел? Море, солнце, вино, шашлыки!..

Алексей растерялся, не зная, что ответить.

А она, махнув рукой, быстро пошла прочь – словно обидевшись не только на жизнь, но и на него.

«Эх… – подумал Алексей. – Сейчас бы ту цепочку с трилистником! Вот бы она обрадовалась!»

И тут же, вспомнив глаза сестры, почувствовал, как жар стыда окатил его. «Нет, сволочь я все-таки!»

После защиты диплома и госэкзаменов началась интернатура – распределение по специализациям. В институте было шумно и тревожно. Все горячо спорили, гомонили, давали друг другу советы.

– А ты? – спросила как-то Надя. – Какие у тебя планы?

– Терапия… – почему-то вдруг смутился Алексей. Но тут же уверенным голосом добавил: – Основа наук!

Надя презрительно фыркнула:

– Основа! И что? Будешь в поликлиничке сидеть за сто пять рублей? И по участку чапать? К убогим старушкам? Папаверин выписывать и давление измерять?

– Ну, кто-то же должен, – ответил Алексей, – и к старушкам чапать в том числе.

Она снова усмехнулась:

– Ну да… К старушкам! Только к старушкам пусть тетеньки чапают. Те, кому за пятьдесят! А молодому, здоровому мужику… Ну не знаю!.. Мне кажется, глупо это! И еще, по-моему… очень смешно!

Сказала как пригвоздила.

– А ты? – как-то робко спросил Алексей, поняв, что незримая битва его проиграна вчистую.

– Я? – В хирургию! – с вызовом ответила Надя. – Там хоть… работа!

На последнем курсе, в мае, отмечали день рождения одногруппника. Все были приглашены на дачу. Точнее – в загородный дом именинника. Все знали, что он был номенклатурным внучком – к институту подъезжал на своих «Жигулях».

Встретились на Белорусском вокзале и рванули все вместе.

На участке – огромном, густом, заросшем вековым лесом – принялись разводить костер для шашлыков. Выпивки и закуски было море. Молодые и голодные набросились на еду и спиртное. Алексей тоже здорово выпил – от отчаяния, что теперь уже точно ничего не случится. Надя не замечала Алексея, словно его и не

было рядом. Наверняка презирала.

А когда вытащили на улицу магнитофон и начались танцы-обжиманцы, Алексей, будучи крепко под градусом, осмелел и пригласил ее.

Ему показалось, что она тяжело вздохнула. Или только показалось?

Они медленно двигались, и Алексей, прикрыв от восторга глаза, вдыхал дымный аромат ее волос, щекотавших ему нос и щеку.

Музыка закончилась, а он рук не разжал. Она выпросталась из его объятий, подняла глаза и, усмехнувшись, сказала:

– Ну, и чего так вцепился? Лучше бы женился, что ли!

И приглушенно рассмеялась, проведя пальцем по его щеке.

– Когда? – спросил Алексей, не узнавая своего голоса.

– Что «когда»? – не поняла она и чуть сдвинула брови.

– Жениться – когда? – повторил Алексей, чувствуя, что сейчас от страха разорвется его заячье сердце.

– А что, ты готов? – усмехнулась Надя. – Прямо сейчас?

Он решительно кивнул:

– Ага, прямо! Только… сегодня вряд ли получится! А вот в понедельник!..

– В понедельник в загсе выходной, – сурово ответила Надя и быстро, не обернувшись, направилась в дом.

А он так и остался стоять на месте… И глупее ситуации в его жизни еще не было.

На ночлег он приткнулся на террасе первого этажа на каком-то старом кожаном диванчике с очень жесткими кожаными валиками. Диванчик был явно мал, и Алексей, свернувшись неудобным клубком, чувствовал, как затекают ноги и шея.

Вырубился почти сразу, но и проснулся вскоре – за окном уже белел молочный густой рассвет, и в раскрытое окно вливались бодрящие садовые запахи.

Алексей поежился от холода, свесил ноги, растер затекшую шею и глянул на старые ходики. На часах было половина третьего.

Пить хотелось невыносимо. На полу на ковре спала какая-то парочка. Лежали, тесно переплетясь телами, и Алексей даже не мог разглядеть, кто это был так ласков друг к другу.

Осторожно, чтобы не разбудить соседей, он стал пробираться в глубь дома. Цель была одна: найти кухню и, как следствие, – воду.

Кухня обнаружилась не скоро. Алексей прошел сквозь анфиладу маленьких комнатушек, затем попал в большой зал с камином, а уж за ним оказалась кухня.

В холодильнике – вот спасение! – обнаружилась трехлитровая банка с чем-то желтоватым и пузырчатым. Алексей сделал осторожный глоток – жидкость оказалась с кислинкой, явно перебродившая, но вполне удобоваримая.

– Гриб! – вспомнил Алексей. – Эта фигня называется «гриб»!

Такой напиток делала бабка Анна Васильевна, и в ее бытность банка с грибом, накрытая марлей, всегда стояла на подоконнике.

В детстве Алексей побаивался этого гриба – лохматого, страшного, похожего на дохлую медузу. А сейчас это было самое то!

Напившись, он пару минут постоял у окна и вдруг рванул на улицу – очень быстро, почти бегом.

По улице дачного поселка Алексей шел быстрым шагом примерно с полчаса, пока не нашел то, что искал: перед ним расстилался небольшой луг, за которым

начинался светлый березовый лес.

Луговая трава была высокой и влажной. Ботинки, джинсы моментально промокли – почти до колен. Но Алексей не обращал на это внимания – он рвал цветы.

Цветы были невзрачные, самые расхожие, рядовые – ярко-желтые лютики, прозванные в народе «куриная слепота», полевые ромашки с небольшими головками и густой «укропной» зеленью и редкие, совсем редкие васильки. Но на краю поля он увидел иван-чай – высокий, розово-сиреневый, на сильных стеблях. Нарвал и его.

Наконец Алексей остановился и оглядел свой букет: он был огромным, пышным, разлапистым, разноцветным и, как ему показалось, ужасно милым.

Алексей улыбнулся, стряхнул с цветов росу и бодро зашагал обратно.

Дом, как ни странно, нашел он тут же, хотя старые дачи были похожи как близнецы – все из крепких посеревших бревен, с шиферными крышами и крепкими, добротными заборами.

Алексей вошел на участок, прикрыл калитку и стал обходить дом со стороны улицы. Привстав на цыпочки, он заглянул в открытые окна. Наконец нужное окно отыскалось – он увидел Надю, спящую на железной кровати. Лицо ее было спокойно и безмятежно. Волосы разметались по подушке из темного, цветастого, совсем деревенского ситца.

Алексей улыбнулся и положил свой букет на подоконник. Соцветья свешивались в комнату, а длинные, неровные стебли торчали наружу.

Потом, продолжая совершенно по-дурацки улыбаться, он вернулся на терраску, нашел какую-то тряпку – то ли старую скатерть, то ли покрывало – и, закутавшись в него, блаженно закрыл глаза и тут же уснул.

Проснулся от шума: где-то гремели посудой, слышалась вялая перебранка, и осторожно пробирался запах какой-то подгорелой еды – то ли яичницы, то ли жареного мяса.

Алексей открыл глаза и увидел, что его соседей уже нет рядом, дверь на террасу и окна прикрыты. Но все равно было зябко, и он медленно встал с диванчика, потянулся и вышел на крыльцо. На часах было девять утра.

В кресле-качалке – соломенном, темном и очень скрипучем – спала девушка, почти с головой укрывшись старым габардиновым плащом.

Алексей вернулся в дом, прошел по коридору и наконец нашел дверь комнатки, где спала Надя.

Он осторожно постучался – в комнате было тихо. Алексей замер, приложив ухо к двери.

– Входи, – услышал он голос Нади.

Он вошел и увидел, что она сидит на кровати и у нее на коленях поверх старенького, ветхого одеяла лежит его пышный букет.

– Спасибо… – тихо сказала она и подняла на него глаза. – Большое спасибо!

Алексей в ответ кивнул и громко сглотнул слюну:

– Осторожно, он мокрый!

– А пахнет как!.. Полем после дождя…

Алексей снова кивнул.

– Ну-у… – медленно протянула Надя. – Ты иди! Я буду подниматься.

Алексей молча покачал головой и плотнее прикрыл за собой дверь.

– Спасибо! – хрипло сказала Надя.

Ехать в Москву они собрались только к обеду, когда в доме остались только хозяин и пара ненасытных гостей, укрывшихся в комнате второго этажа. Те, кажется, решили остаться здесь навечно.

Перед отъездом они помогали прибрать дом – собирали пустые бутылки из-под вина и водки, остатки еды, немытые чашки после чая и кофе. Подмели полы. Горячо поблагодарили хозяина – особенно красноречив был он, Алексей.

Надя была молчалива и как-то странно разглядывала его, словно видела в первый раз.

Надя и Алексей молча, держась за руки, шли до станции. Там купили мороженого и долго ждали электричку – в расписании был перерыв.

На перроне, на скамейке, она положила голову Алексею на плечо и… уснула.

Ему тоже невыносимо хотелось спать: голова сама клонилась вниз, глаза закрывались… Но он спать не мог – иначе проснулась бы Надя. А он стерег, оберегал ее сон.

В Москве, выйдя на перрон, они остановились.

– Куда? – спросила Надя. – Ты домой?

Алексей отрицательно мотнул головой:

– Я с тобой! Куда скажешь!

Потом, когда они жили уже вместе, Надя часто вспоминала ему это самое «куда скажешь».

И это было главной темой попреков: «Ну, разумеется! Куда скажу я! Ты же сам не способен принять решение! Куда скажу я», – часто повторяла Надя, и лицо ее серело и каменело от злости.

А тогда она легко повела плечом, усмехнулась и пошла вперед:

– Куда скажешь?.. Ну, ладно! Раз в гости не приглашаешь – тогда поехали! Ко мне, в общежитие!

В институтской общаге Алексей, конечно, бывал и раньше – у приятелей, недолго и без ночевки. Помнил, как ужаснула его общежитейская кухня – огромная, грязная, неуютная, с несколькими громадными, залитыми пригоревшей едой плитами. На плитах стояли кастрюли – с бельем, каким-то неаппетитно пахнущим супом. Все булькало, кипело, шипело и выплескивалось наружу. Без конца заходили какие-то люди, ставили чайник или сковородку, что-то мыли в раковине, чистили картошку, жарили рыбу… И эти запахи плотными клубами вываливались в узкие и длинные коридоры, растекались по общаге, заползая даже в самые дальние комнаты.

В комнате, где жила Надя, стояли три кровати. На подоконнике теснились ополовиненные банки с вареньем. На полу стоял мешок картошки, а в эмалированной миске валялось несколько головок проросшего лука.

На столе – узком, покрытом старой и блеклой клеенкой, – стояли три чашки и стопка дешевых тарелок.

На окне болталась грязноватая ситцевая занавеска, приколотая к карнизу прищепками для белья.

– Красиво живем, а? – зло усмехнулась Надя и покраснела. – Даже убирать не хочется в этой мышиной норе…

Она плюхнулась на кровать и заплакала:

– Осточертело все! И грязь эта, и вонь! И теснотища! Заниматься невозможно: только сядешь – в дверь барабанят. То одно, то другое… Достали!.. А запах! Точнее – вонища! Ты слышишь, как пахнет?

Алексей кивнул:

– Да. А вот чем – не пойму.

Надя засмеялась:

– Да всем! Потом, дешевым вином. Жареным луком. Пельменями. Мокрой тряпкой. Любовью. Грехом!

Они помолчали. Потом Надя отбросила прядь со лба и с усилием улыбнулась:

– Ладно! Что это я разнылась? Ты же гость! А гостя принято угощать! Правда, чем – непонятно!..

Она беспомощно обвела комнатку взглядом, тяжело вздохнула:

– Пойду чайник поставлю.

Алексей сел на ее кровать и подумал, что в этом кошмаре озвереть и окрыситься – ничего сложного! И как она еще умудряется прекрасно учиться? Нет, надо срочно что-то решать! Оставлять здесь, в этом ужасе любимую женщину – преступление, не иначе! Только вот что делать-то? Что?!

Потом они пили чай с остатками клубничного варенья и зачерствелым хлебом, а потом… Потом он остался у нее до утра.

– Соседки по комнате разбежались, – спокойно сказала Надя. – Одна живет почти семейно у своего парня в соседнем корпусе, а вторая – постоянно пропадает у любовника-сирийца на съемной квартире.

Ночью, изнемогая от нежности, жалости и любви, Алексей повторил свое предложение выйти за него замуж.

В комнате было темно. Только от уличного фонаря в комнату падал желтоватый и мутный свет. Алексей увидел ее широко открытые глаза и застывшее лицо. Надя долго молчала, а потом тихо спросила:

– А ты… Ты в этом уверен?..

Он начал горячо ее убеждать, что абсолютно, конечно же – да! А как может быть по-другому? Ну, если люди любят друг друга?

На последней фразе Надя почему-то вздрогнула и отвела глаза.

Но через минуту взяла его за руку и со вздохом сказала:

– Ну… Давай попробуем, что ли…

От счастья у Алексея чуть не выпрыгнуло из груди сердце. На глаза навернулись слезы, и счастье, что была еще глубокая ночь и его «позора» Надя тогда не увидела.

Утром, выпив чаю все с тем же вареньем, Надя внимательно посмотрела на Алексея и объявила, что им надо поговорить.

У него от страха душа просто ухнула в пятки. «Передумала?!»

– Надо кое-что обсудить! – обстоятельно сказала Надя. – Например, свадьба! Будет она или нет? А если будет, то какой? Это же важно! Постой, не смейся! Что значит «как ты захочешь»? Надо же исходить из реальностей! Ну, что ты так глупо улыбаешься? Свадьба – это костюм, платья, кольца. Машина, кафе, наконец! Гости! Опять – «как ты захочешь»! Нет, ты совершенно оторван от жизни! Просто детсад, честное слово!..

Надя, произнося этот монолог, выглядела очень серьезной и отказывалась понимать его игривое настроение.

– А жить? Где ты, например, собираешься жить? Здесь, в этой помойке? – И она, брезгливо поморщась, обвела рукой комнату. – А может быть, у тебя?

Она внимательно посмотрела на Алексея. Тот смешался и опустил глаза.

«Мама, отец, Тёпа… Нет, это все… невозможно! Посадить им на шею еще одного человека? Бред какой-то! Да и Тёпа… В доме – тяжелый инвалид, господи! И ей, Наде… зачем все это?» – пронеслось в голове Алексея.

Он молчал. Надя резко вскинула голову:

– Ну, я так и думала, – жестко сказала она. – Все «как ты хочешь!», – передразнила она Алексея. – Просто смешно!

– Послушай! – порывисто сказал Алексей и встал со стула. – Не это главное! Главное то, что мы любим друг друга! А все остальное… Так, пустяки! – Он старался произнести эти слова как можно увереннее, но… получилось не очень.

– Все остальное и есть самое главное! – сердитым тоном возразила Надя. – Жаль, что ты этого не понимаешь!

– Я… все решу, – неуверенно сказал он. – Я тебе… обещаю!

Надя горько усмехнулась и мотнула головой:

– Да что ты можешь решить!.. Обстоятельства здесь сильнее нас!

Она замолчала. Видно было, что расстроилась.

– Ладно, иди! Я что-то устала, – грустно сказала Надя. – И давай еще раз все серьезно обдумаем!

– Я все обдумал, – обиженно бросил Алексей, выходя из комнаты.

По дороге домой ему показалось, что и вправду все просто ужасно! «Неужели выхода нет? Два молодых и здоровых человека – и нет никакого выхода? Да не может этого быть! Я обязательно что-нибудь придумаю», – повторял как молитву Алексей, с каждым шагом все больше падая духом и не веря в успех.

Выдал Алексей свою новость прямо с порога – так ему показалось проще. На кухне перед обедом собралась вся семья.

– Мам, пап, Тёпка – я женюсь!

Сначала, конечно, посыпались вздохи и вскрики: «Господи, Лешка! Да как же так? Ты нас огорошил! Так сразу, с места – в карьер? Мы ж ничего не знали… Кто она, твоя девушка? Не видели ни разу, даже не слышали о ней! А тут сразу – женюсь!»

Мать причитала, конечно же, больше всех. Отец большей частью молчал, взволнованно покрякивал и качал головой.

И только Тёпа восприняла эту новость с восторгом и жаром:

– Как здорово, Лешик! Как здорово! А какая она? Уверена – замечательная! Ты бы другую и не полюбил! Красавица, да? Умница? Да сто процентов! Ой, как же я счастлива! И мы будем подругами! Да, Лешка?

Он смущенно кивал: «Конечно, красавица! А ты сомневалась? Умница? Да! Отличница, идет на хирурга! Хочет в сосудистую, ты представляешь? А это – хирургическая элита! Как зовут? Надя, Надежда! Красиво? А ты как думала!..»

Только вдруг затихла, прекратила свои причитания мать. Внимательно смотрела на сына, словно раздумывая: когда стоит задать свои материнские вопросы?

Наконец решилась:

– Сынок, а откуда она? Москвичка? Что за семья? Родители, братья и сестры? Прости уж за прозу жизни… А что там квартира? Ну, как у них там… с жильем? Вопрос не праздный, как ты понимаешь… У нас ведь… обстоятельства! Сложные!..

Все замолчали и с испугом и ожиданием посмотрели на Алексея.

– Ну… – замямлил тот. – Она не москвичка… А что, это важно?

От растерянности и материнской прозорливости Алексей раскис и начал оправдываться и защищаться:

– Да, не москвичка! Да, без жилплощади! А что, мам, выбирать невесту надо было по этому признаку? Я люблю ее! Этого мало?

– А она тебя? – полушепотом спросила мать, не поднимая на него глаз.

Алексей резко встал, громыхнув стулом, и вышел из кухни.

– А ты сомневаешься? – бросил он уже на пороге комнаты.

Впрочем, он и сам сомневался. Да еще как…

К вечеру все помирились. Мать, извиняясь, просила не обижаться: «Такая жизнь, что… Словом, надо ж все понять! Как вы, что вы? Как все оно будет?»

Тёпа уговаривала их не ссориться. Выход из положения, разумеется, есть. Ведь главное – это любовь!

– Какой выход? – попыталась уточнить мать, и все удрученно замолчали.

Первый Надин визит пришелся на выходные. Мать напекла пирогов, наготовила салатов и накрыла праздничный стол. Отец нехотя облачился в парадный костюм – единственный, древний, с немодными бортами.

А Тёпа надела ту самую блузку, которую он привез матери из Нижнего. Казалось, она, Тёпа, нервничала больше всех.

Воздух дрожал от напряжения. Наконец раздался дверной звонок.

Надя стояла на пороге квартиры – собранная, взвинченная, с настороженным выражением на лице и, казалось, каким-то боевым настроем, готовая на все.

Увидев Тёпу, Надя растерянно, с удивлением посмотрела на Алексея. В глазах ее вспыхнул вопрос: «Как же так? Почему ты мне ничего не сказал?»

Сели за стол. Тёпа с улыбкой разглядывала Надю, а та… ни разу не обратилась к ней, ни разу не улыбнулась, не похвалила ее наряд. Делала вид, что Тёпы просто

нет за столом.

Это не ускользнуло ни от Алексея, ни от матери, которая изредка бросала на него изумленный, непонимающий взгляд. А он делал вид, что взгляда ее просто не замечает.

О себе Надя говорила сухо: «Мать умерла, отец нездоров, с родней не знаюсь и вообще – к чему вам все это знать?»

Мать смутилась, и по всему было видно, что обиделась. Поджав губы, принялась собирать со стола посуду.

Надя не помогала. Теперь на Алексея с удивлением смотрел уже и отец.

А наивная, ничего не замечающая и очарованная будущей родственницей Тёпа требовала обсудить предстоящую свадьбу.

– Свадьбу? – уточнила Надя. – Ресторан? А собственно, на что? На что вы собираетесь устроить пышное гулянье?

Все в растерянности переглянулись.

– Есть… деньги, – вдруг хрипло сказал Алексей. – Я привез. Много… С шабашки.

В обращенных на него, как по команде, взглядах Алексей прочитал изумление.

А Надя вскинула брови и усмехнулась.

Только Тёпа, как маленький ребенок, захлопала в ладоши и начала верещать: «Как здорово будет! И ресторан, и машина, и белое платье!..»

Наконец мать, справившись с оцепенением, откашлялась и, не поднимая глаз на сына, твердо сказала:

– Ну, что ж! Давайте приступим!..

Алексей собрался провожать невесту. Мать простилась с ней сухо. Впрочем, Надя ответила тем же.

Вышли на улицу. Надя молчала. Алексей чувствовал какую-то неловкость, словно обманул ее ожидания, что ли?

Он был растерян, смущен, подавлен. На вопрос «что случилось?» Надя ответила резко:

– Почему ты мне ничего не сказал?!

– В смысле? – не понял Алексей.

– Не строй из себя дурака! – почти выкрикнула она. – Не делай, пожалуйста, вид, что не понимаешь!

– Ты о чем? Я действительно не понимаю!..

– Да о твоей сестрице! – громко сказала Надя. – Ты почему мне ничего не сказал?

– О чем? – продолжал недоумевать Алексей. – Что Тёпа больна? Ну… Не хотел тебя огорчать! Расстраивать не хотел! К тому же Тёпа – нормальная! Нормальная, понимаешь? Нормальней здоровых – я это имею в виду! Тёпа – добрая, смелая, остроумная! В ней нет ни капли злости на свою судьбу! Она терпеливо сносит все тяготы, бьется за жизнь! Читает, старается писать, сочиняет стихи, интересуется природой, политикой, историей и всем прочим! Она пытлива, настойчива и усидчива! Она – доброжелательный и замечательный человек! И мне странно, что ты не заметила этого! – с обидой в голосе закончил он свой пылкий монолог.

Алексей говорил громко, размахивая руками, не обращая внимания, что на него оборачиваются редкие прохожие.

– Не горячись! – вдруг примирительно сказала Надя, взяв его за руку. – Не горячись, Леша! Просто… Просто я понимаю, как… все будет сложно! – Вся наша жизнь! Где мы и как? Где будем жить?.. Я растерялась, ты понимаешь? Ну, прости, не сердись! Я ж не об этом! А Тёпа твоя – да, она замечательная! Бедная,

правда… Такая судьба!..

И Надя громко вздохнула.

Словом, помирились они – куда деваться? Хотя… Надина реакция на его семью была ему не очень понятна. А еще – неприятна. Так получалось…

Мать встретила его сурово:

– Напровожался?

– Тебе что-то не понравилось? – резко бросил Алексей. – Не угодили?

– Не угодили, – кивнула мать. – И не понравилось! Если честно – ничего не понравилось! Ни Надя твоя, ни ее поведение! А главное, – тут мать на мгновение замолчала, – мне не понравился ты!

Алексей махнул рукой и ушел в свою комнату. Ночью, валяясь без сна, он думал о том, что мать, разумеется, права. Во всем права! И невеста его вела себя сухо и непочтительно. А он… Так просто заявил про деньги, как будто он один ими и распоряжается! Нет, заработал, конечно, он. Но! Деньги эти были отданы в семью! На жизнь, на здоровье Тёпы! И разве имел он право так легко и беззаботно предложить их прогулять? Разве в их положении это возможно? Разве правильно, когда в доме… беда.

Алексей то и дело вскакивал с кровати, курил в форточку, мерил шагами комнату, снова ложился и снова вставал. Потом на кухне долго пил из-под крана холодную воду. А еще смотрел на ночную пустынную улицу, прислонившись к прохладному оконному стеклу.

«Нет! – уговаривал он себя. – А я-то? Не имею права? Ни на что не имею? Я никогда ничего не просил: ни новые тряпки, ни поездки на море. Ни магнитофон, ни джинсы, ни все остальное! Я все всегда понимал и даже старался помочь! Но сейчас… Когда в его жизни появилась Надя!.. Когда она, его невеста, так хочет свадьбу и белое платье! Как любая девица мечтает об этом! Так что ж в этом плохого? Что такого ужасного он предложил? Исполнить мечту своей любимой?

Сыграть свадьбу? Сделать все как положено? Даже самые скромные люди покупают к свадьбе платье, костюм и обручальные кольца. А он? – Выходит, не имеет права? По какому такому случаю его этого права лишили? И деньги эти чертовы заработал он, между прочим! Своим собственным тяжеленным трудом! Пока другие пили пиво и бегали на дискотеку в каком-нибудь Геленджике!

И цепочку эту, между прочим, он Тёпе отдал! И матери – кофту, и отцу…»

Так повторял про себя Алексей, а сам… чувствовал, что сгорает от стыда.

Алексей все пытался себя оправдать, обелить, распаляясь все больше и больше. Но когда он приплел и эту цепочку… Ему вдруг стало так противно, так стыдно, что он чуть не разревелся как последний дурак, глупая, истеричная баба, как самый ничтожный мелкий слабак…

Потом Алексей достал из холодильника початую бутылку вина, оставшуюся после не самой удачной помолвки, допил ее из горла одним махом и, чувствуя себя совершенно несчастным, отправился спать. Благо назавтра рано вставать не нужно. Завтра – выходной.

На следующий день первой позвонила Надя. А он, услышав в трубке ее голос, едва не задохнулся от счастья.

Договорились встретиться на их любимом бульваре – на Патриках.

У метро Алексей купил букетик ландышей – пахли они восхитительно сладко!

Алексей увидел ее еще издалека. Распахнутый плащик, голубая косынка на шее, распущенные прекрасные волосы. Дух перехватило от такой величавой и спокойной красоты: «И она – моя девушка! И даже больше – невеста!»

Надя выглядела тихой и печальной. Зашли в кафе, взяли кофе с мороженым.

И надо было начинать разговор. Кому? Да разумеется, мужчине! Именно мужчине надлежало как-то все объяснить. Расставить по своим местам. Оправдаться, в конце концов. И конечно же, что-то предложить! План на их

дальнейшую жизнь.

А в голове Алексея было пусто… Как назойливая муха жужжала только одна фраза. «Я ничего не могу! – звучало внутри как приговор самому себе. – Ну и какой же я мужик после этого? Я ведь должен взять на себя, проявить инициативу, принять решение!..»

Алексей тяжело вздохнул. Сначала он попытался объяснить, оправдать поведение матери. Потом стал рассказывать про Тёпину болезнь и отцовский инфаркт, про сложности с деньгами.

Надя молчала, уткнувшись глазами в пустую кофейную чашку. Ни разу не перебила, не кивнула – дескать, все понимаю. Только пару раз тяжело вздохнула и приподняла удивленно брови.

Когда Алексей замолчал, она подняла на него свои ясные небесно-голубые глаза и с горькой усмешкой спросила:

– А для чего это все, Леша?

Он недоуменно пожал плечами:

– Для чего – что?

Надя нетерпеливо, раздражаясь на его непонимание, дернула плечом:

– Да все разговоры эти пустые! Нет, я все, конечно, пытаюсь понять. Да, сложно. Больная девочка. Инвалид. Больной отец. Нехватка денег…

– Но… – Надя сделала паузу и внимательно посмотрела на Алексея. – Давай теперь по-другому!

Он растерянно кивнул, не понимая, куда она клонит.

– Ты меня хочешь разжалобить? Растопить мое сердце? А вот не выйдет! – резко заключила Надя и приблизила к нему свое взволнованное, пылающее лицо. – Не выйдет, Лешечка! А все потому, что я видала кое-что пострашнее!

Ну, давай разберемся, – продолжила Надя. – Квартира в центре Москвы. Дача в прекрасном поселке. Нет в доме пьяниц, скандалов, битья посуды. Нет старой избы с растрескавшейся и вечно дымящей печкой. Нет холодного хлева с отощавшей скотиной. Нет пьяного и скандального бати и больной мамы, год лежащей бревном. А за мамой надлежало ходить: простыню уделанную поменять, накормить, напоить. Бате обед приготовить. А готовь не готовь – он все равно возьмется бузить. Потому что тоже устал и все ему надоело. А мама будет плакать за занавеской и вслух молить Бога о смерти… А в четыре утра надо подоить корову, дать еды поросятам. Убраться в хлеву. Сварить суп отцу, кашу – маме и… топать в школу, за черт-те сколько верст. По снегу, по наледи, по сугробам. …А потом мама умрет. С одной стороны – облегчение. А с другой… Отец тут же женится. И мачеха окажется злобной и жадной. Типичная такая злая мачеха из детских сказок! Я раньше думала, что все это выдумка! Ну, для остроты, так сказать, сюжета. А нет, все – чистая правда! И даже еще страшнее…

И тогда я решила: уеду. Навсегда. Без возврата. Домой не вернусь ни за какие коврижки. Впрочем, коврижек мне не сулили…

А потом – экзамены, общежитие, вечные страхи, что завалю сессию и останусь без стипухи. А это – голод. И холод. И никто мне не вышлет по почте десятку! Да что там, десятку – даже простого письма не напишут! Никому не интересно, как я живу. Да и вообще, жива ли?..

Ну, как тебе? – подытожила Надя. – Нравится? А ты, – тут она презрительно хмыкнула, – хочешь меня удивить! Разжалобить хочешь! А я… Знаешь, – она пристально посмотрела Алексею в глаза, – а меня уже не разжалобить, понимаешь? Не пробить так просто, и все! Такой бегемотьей шкурой я обросла! Иначе не выжить! Ну, хочешь обидеться? Да пожалуйста!.. – Надя резко откинулась на спинку стула: – Обижайся!

Долго молчали.

– Горе у каждого, Надя, свое, – начал Алексей. – Что считаться и сравнивать, у кого шире и глубже? Просто… – тут он запнулся, – просто нам надо решать, как… будет дальше! Ну, как мы?.. Как будет у нас?

Надя засмеялась:

– Ну, я готова! Слушаю твои предложения.

– А давай уедем! – с преувеличенной радостью в голосе объявил Алексей. – Уедем в провинцию, на Север, на Дальний Восток! Специалисты везде ведь нужны! А там – перспективы, жилплощадь! Опыт, свобода! И мы – молодые! И вместе… – нерешительно, окончательно сникнув, когда увидел ее глаза, закончил Алексей.

– Ты так ничего и не понял, – тихо сказала Надя. – Выходит, ты меня не услышал… – с горечью добавила она. И словно собрав воедино всю свою энергию пылко продолжила: – Уехать? В село? В сельскую больничку? На фельдшерский пункт? Вскрывать чиряки и накладывать шины? Обходиться зеленкой и градусником? – Вот это ты мне предлагаешь? Уехать обратно? Туда, откуда я… еле выбралась? После бессонных ночей над учебниками? После битв за стипендию? После холодной комнатухи в общаге? Угробить себя на Севере? Снова надеть валенки и тулуп? Снова топить печь и колоть лед в ведре? Жрать хлеб с маргарином? И это ты… называешь любовью? Строительством будущего? Перспективой для молодой семьи?

Нет, – Надя уверенно покачала головой, – такой семейной жизни мне точно не надо! И перспективы такой! Не для этого я рвалась в столицу! Я, – по слогам произнесла она, – я хо-чу. Ра-бо-тать. В столичной клинике. Готова на все: ассистировать много лет. Брать ночные дежурства. Но знать, что когда-нибудь! Понимаешь, когда-нибудь я стану человеком! Оперирующим хирургом. Хорошим хирургом, к которому будут стремиться попасть больные и с которым будут считаться коллеги! И на квартиру я заработаю! Здесь, в Москве! И обставлю ее красивой мебелью! И машину куплю! Слышишь, куплю! И будет у меня каракулевая шуба и австрийские сапоги! Тоже на натуральном меху, чтобы ноги не мерзли! Потому что я очень долго обматывала их для тепла газетой! Вот такие у меня, Леша, планы! И никто – слышишь – никто мне не помешает их осуществить! И не потому, что я алчная и жадная! А потому, Леша, – она снова наклонилась к нему и продолжила почти шепотом: – А потому, что я хочу жить как человек! Ты меня понял?

И на подвиги меня, как это происходит с тобой, – при этих словах Надя усмехнулась, – как-то не тянет!..

Алексей кивнул и тяжело вздохнул.

– Ну, Леш, – Надя встала со стула, – я пойду. А ты… Ты подумай, что да как… Про нашу жизнь и перспективы. А если придумаешь, я тебя с радостью выслушаю!

* * *

Разменять квартиру! Как же просто! Конечно, разменять! И все проблемы решатся! Надя права: она – приезжая девочка, так рвавшаяся в столицу, так цепляющаяся за большой город… И он – наивный дурак, предлагающий бред! Все это – дешевейшая романтика! Да и не романтика вовсе! Он слышал, конечно же, как там, в провинции, бывает: нищенский медпункт, где в достатке только спирт и вата. Старая изба, отданная молодому специалисту за ненадобностью. Тяжелый деревенский быт, почти невозможный для изнеженных городских жителей. Несчастные старики – молодежь давно подалась в город. Нет, есть, разумеется, и города – например, на больших стройках, где всегда не хватает врачей. Тында – пожалуйста! Там есть прекрасно оборудованные больницы…

Но климат… Сибирь. И еще, наверное, туда надо попасть. Желающих много: северный коэффициент – год за два.

…Значит, размен? Ну а что тут такого? В конце концов, ему тоже надо строить свою личную жизнь! У него должна быть семья. Жена, дети. Разве нет? Разве он не имеет на это права?

Алексей все больше распалял себя в собственных оправданиях.

Вернувшись домой, Алексей вызвал на разговор мать.

Та села напротив и с испугом, прикрытым усмешкой, молча смотрела на сына.

Он молчал.

– Ну, – не выдержала мать, – начинай!

Она слушала Алексея молча, ни разу не перебив. А после его бурной, сбивчивой и торопливой речи вздохнула:

– Значит, размен…

Алексей кивнул:

– Значит, так…

– А как мы будем жить втроем в двух комнатах – ты не подумал? Отцу нужен покой, своя конура нужна. Тёпе – тем более. А мне? На кухне? Ну что ж, можно и так… – задумчиво произнесла мать и медленно повторила: – Да, можно и так. Не помру, это верно. Но я не о том. Я про твою… Надю. Она ведь скрутит тебя, выжмет и выкинет! Как жмых выжмет! Неужели ты не видишь всего этого? Ведь ты нужен ей только для прописки в Москве! Зацепится и пошлет тебя! Куда подальше пошлет! И квартиру, которую ты у нас выменяешь, у тебя, дурака, отберет! И куда ты вернешься? К нам, в двухкомнатную? Ко мне под бочок, на кухню?

Ты, конечно, имеешь право! Даже судом! Но… Ты бы подумал, сынок!

Наглая провинциальная девка! С такими амбициями – это же страшно! По трупам пойдет, ты мне поверь. Подумай, сыночек!

– Я… уже подумал, мам. И все решил. Надеялся, что ты поймешь меня. Или хотя бы постараешься понять. И еще… Надя не девка, мама! Она – моя будущая жена! И странно, что я должен тебе это объяснять!

– Ну, решил так решил, – подытожила мать и встала из-за стола. – Только, надеюсь, ты понимаешь: на свадьбу мы не пойдем. Не хочется плясок на костях, понимаешь?

Дверь в комнату распахнулась, и на пороге появилась Тёпина коляска.

– Мама! Лешка прав! – закричала она. – Он и вправду имеет право! И Надя его не плохая – просто она не понравилась тебе, мама! Потому что не прыгала перед тобой, не юлила. Не старалась понравиться! Тарелки не помогла убрать со стола! И за это ты ее… возненавидела! А я… лично я на размен согласна! И в кухне спать буду я, слышишь, мам?

Алексей порывисто встал, пошел к двери, по дороге тронул Тёпу за плечо – дескать, спасибо за поддержку и понимание, и ушел к себе.

На душе было, честно сказать, очень мерзко. Но в своей правоте он не сомневался.

Почти не сомневался…

Квартиру разменяли довольно быстро. Еще бы – трехкомнатная, да в центре! Желающих было – море. Родителям и Тёпе досталась хорошая двухкомнатная на «Бабушкинской». Балкон – чтобы Тёпа гуляла, отличная кухня. Ну, и молодым – скромная однушка в Тушино. Тоже неплохо…

Свадьба была скромной. Из гостей – две Надины подруги по общежитию да двое приятелей Алексея – одногруппников. Заказали столик в кафе, ну и посидели – шампанское, вино, салат оливье и ромштекс. На десерт – мороженое с ликером.

Молодая жена была неотразима: голубое шелковое платье идеально подходило к ее глазам. Ободок из цветов утопал в пышных волосах. На торжество Алексей подарил ей сережки с сапфирами. Стоили они не так дорого – сапфиры были искусственными, но выглядели роскошно.

Родителей на свадьбе не было, хотя им и послали телеграмму. Алексею очень хотелось позвонить Тёпе, но Надя убедила его, что это будет… не очень уместно.

– Во-первых, Тёпу надо привезти-отвезти, – рассудительно говорила Надя. – Придется встретиться с матерью – без этого никак. Ну, и вообще – зачем ей это? Танцевать она не может, алкоголь не пьет. Да и каково ей будет на все это смотреть? На наших друзей – молодых, здоровых, красивых, весело пляшущих под модную музыку!

Нет, ты подумай, – не унималась Надя. – Какие чувства будут у нее на сердце? Злоба, зависть?

– Что ты! – начал спорить Алексей. – Тёпа и зависть? О чем ты?! Да она бы только радовалась за нас! Тёпа и зависть – несовместимы!

Надя покачала головой:

– Не знаешь ты жизни, Лешка! Не знаешь!.. Каково ей, калеке, будет смотреть и думать, что у нее никогда такого не случится?! Никогда – понимаешь?

И Алексей… согласился.

После кафе взяли такси и поехали в свою квартиру. В свой дом!

Осторожно открыли дверь, переступили порог. Зажгли в прихожей свет и закружились от радости.

Надя ходила по квартире, осторожно трогала стены, кухонную плиту, рамы и стекла.

Зашла в ванную и села на бортик ванны. И вдруг заплакала…

Алексей присел на корточки перед молодой женой и обнял ее за колени.

– Любимая моя! Любимая! Как же я счастлив, что ты довольна!

– Я счастлива, Леша! – тихо произнесла Надя, перебирая руками его шевелюру. – Теперь я поняла: ты меня действительно любишь!

Любил… Ох, как любил! С работы бежал как подстреленный, только пятки сверкали. Если долго не было автобуса – срывался пешком. Полчаса быстрой, спортивной ходьбы, почти бега, и вот он у подъезда. С гвоздикой в руке. Гвоздику Алексей покупал у метро, если, конечно, удавалось найти ее в период острого дефицита.

Надя работала в Первой градской, на кафедре хирургии. Работала много – брала и ночные, и подработки.

Алексей – в поликлинике, участковым врачом. Тоже не барствовал – брал два участка, чтобы подзаработать. И все-таки времени у него было побольше, чем у жены – пик вызовов приходился обычно на позднюю осень, зиму и раннюю весну: ОРВИ, ОРЗ, грипп и всякие банальные простуды. А лето было совсем спокойным: молодежь почти не болела, а старушки, главные пациенты, разъезжались по деревням и садовым участкам.

Ну, и домашние хлопоты Алексей взял на себя. Это его совсем не напрягало. Приготовить ужин? – Да запросто! Избалованными они точно не были: приготовить жареную картошку с сосисками, макароны с тушенкой или яичницу – плевое дело! Пару раз попробовал сварить первое. Надя усмехнулась, но похвалила. И Алексей, как всегда, растаял от ее слов. От нежности и благодарности.

Удивлялся ли он ее упорности и стремлению достичь верхов, сделать карьеру? Да нет… Пожалуй что нет.

Алексей всегда знал: жена амбициозна и рассчитывает на себя. Это Надя повторяла не раз. И слышать такое было немного обидно, но… И еще Надя добавляла: гордись, что у тебя такая жена!

И он, конечно, гордился.

Правда всегда немного обидна. Сделать карьеру Алексей никогда не стремился. И это было чистейшей правдой. Его вполне устраивала запись в трудовой книжке – «участковый терапевт».

И к работе своей Алексей относился с нежностью. Да-да, именно с нежностью! Он любил своих пациентов – одиноких стариков, надеющихся на него как на Бога. Молодых хитрованов, мечтающих о недельном больничном, чтобы просто отдохнуть от суетливой жизни или добавить вожделенные пять рабочих дней к долгожданному отпуску. Больничные листы таким он выдавал – ну, если только перед ним были не отпетые и наглые мошенники и аферисты.

Отработав шесть часов в поликлинике на приеме, Алексей с удовольствием надевал пальто, брал портфель и шел на участок. Участок был дальним – минут двадцать ходьбы от поликлиники. Дальним и довольно растянутым. Но Алексей с удовольствием шагал по знакомым дворам, вдыхал свежий морозный воздух,

любовался природой. Люди узнавали его и здоровались. Иногда останавливались и начинали рассказывать про свои болячки, проблемы, делились новостями и даже сплетнями.

Его больные доверяли своему врачу. Алексея не раздражали заунывные и такие знакомые жалобы стариков и инвалидов. Вздыхая, он брал их скромные подношения – баночку варенья, вязаные носки или хорошую книгу. Понимал, что его отказ мог их обидеть.

Надина карьера стремительно восходила: в тридцать она защитилась, а в тридцать пять стала заведующей отделением.

Именно тогда она забеременела. И от этого известия Надя пришла в ужас: рожать? Сейчас? Когда у нее только-только начало получаться?

Но Алексей уговорил ее. Настоял. Пообещал, что все хлопоты о ребенке будут на нем – честное слово! Только, пожалуйста!..

В декрет Надя ушла на восьмом месяце. Родила легко, словно и не была старородящей. Так у них появилась дочка, назвали Маринкой. По счастью, девочка оказалась крепенькой и здоровой. Первый год как-то перебивались – сидели с Маринкой по очереди. А после года отдали в ясли. И снова спасибо природе – девочка почти не болела, как многие ясельные дети.

А Надя опять с головой погрузилась в хирургию.

Немного помогала соседка по лестничной клетке – пожилая, но крепкая женщина пенсионного возраста. Она нередко и подстраховывала их: если работали оба – забирала Маринку из сада, кормила ужином, укладывала спать.

Словом, справлялись. Уборка, готовка и магазины были на Алексее.

Он и занимался дочкой – играл с ней, читал детские книжки, водил на мультики в «Баррикады».

Алексей понимал: у жены жизнь нелегкая. Ответственность – дикая! Ведь на ней держалось огромное и сложное отделение.

Иногда, по воскресеньям, Алексей брал дочку и отправлялся к родителям. Мать относилась к внучке сдержанно, а вот Тёпа племянницу обожала. Отец был совсем плох. А когда Маринке исполнилось восемь, он умер.

Надя никогда не спрашивала, что и как в его семье. Ни про мать, ни про Тёпу – ни слова. Словно и не было в ее жизни этих людей. Впрочем, мать тоже снохой не интересовалась. Лишь отпускала иногда колкие фразочки типа: «Ну что? Наша Надежда Николаевна, светило науки, все трудится? Способная женщина!.. И как еще между делом ребеночка-то успела народить? Чудеса! Впрочем, знала ведь, что есть на кого положиться! Что она без тебя?..»

Алексей устало отмахивался: «Мам, да хватит уже! Смирись, наконец, что Надя – моя жена! И кстати, мать моей дочки!»

Когда Маринке исполнилось двенадцать, Надя заговорила об улучшении жилплощади. Конечно, она была совершенно права: маленькая однокомнатная квартирка была тесновата двум взрослым и ребенку-подростку. В комнате было непроходимо тесно: Маринкин стол стоял у окна, и пробраться к нему было проблемой.

А через полгода Надя торжественно шмякнула на стол бумагу с ордером на новую квартиру, которую ей выделил Минздрав. Ей, Надежде Николаевне Сосновской. Персонально!

– Ну! – спросила жена – Каково? Конечно, не без усилий! Побиться пришлось! Но… Все в нашей жизни не без усилий! Правда… – тут она замолчала и с сомнением посмотрела на мужа, – ты это вряд ли заметил! – с тяжелым вздохом заключила Надя.

Квартира оказалась большой и просторной: две светлые комнаты – их и Маринкина, большущая кухня с окном во всю стену.

Надя гордо ходила по квартире и чувствовала себя победительницей.

Впрочем, она и была победительницей, и не признать этого было бы странно.

Алексей искренне радовался успехам жены. Никогда, ни разу в жизни, ему не пришло в голову позавидовать ей или попрекнуть ее чем-то.

Только мать, услышав от Алексея, что его жена защитила докторскую, небрежно бросила:

– А кто б сомневался? Когда есть прикрытый тыл, знаешь ли!.. Да и натура такая – вездеход твоя Надя! По людям – гусеницами! И тебя переедет однажды! Так что будь готов к этому, сын!..

Перед юбилеем матери, шестидесятипятилетием, Алексей уговаривал Надю помириться: «Ну, хотя бы сделай вид, что все хорошо. Сколько можно, ей-богу?! Мы же взрослые люди!»

Жена ответила спокойно, но твердо:

– Мне этого не надо! И ей, думаю, тоже. Я ведь тогда ничем перед ней не провинилась: молодая девчонка, практически сирота. А меня приняли как посягательницу. На все: на их сына, на их прописку, на их имущество! И заметь, мнение свое обо мне не изменили! Несмотря на мои успехи, на мой тяжелый труд. Ни разу доброго слова не сказала, ни разу не похвалила. Хотя бы за то, что родила им внучку!

Нет, – Надя покачала головой, – не нужно все это. Ни мне, ни ей. Сейчас уж точно не нужно!

Ну и отправился Алексей в гости с Маринкой. Возразить жене было нечего. Все понятно – у каждого своя правда. И обе его женщины – люди суровые, бескомпромиссные. Такими их сделала жизнь.

Когда дочке исполнилось пятнадцать, Алексей заметил, что и она стала относиться к нему с некоторым презрением. Спрашивала с легкой улыбочкой: «Ну, как там твои старушонки, папуля?»

В гости к бабке и тетке ездить отказывалась. Хотя это объяснить можно – появились свои интересы. Подружки, кавалеры и прочее.

Дочку Алексей не осуждал, но все же было обидно.

А вот с матерью у Маринки были отличные отношения. Во всем чувствовалось, что мать она уважала. Понимала, кто в доме хозяин.

Никогда она не говорила матери: «Отстань, мам! Надоело!»

А вот ему, отцу, запросто могла так ответить.

Они, его женщины, часто шушукались, Алексей то и дело слышал взрывы негромкого смеха, а когда заходил в комнату, они тут же замолкали.

– Помешал? – виновато спрашивал он.

Дочка нервно дергала плечом – «мол, да, помешал. Но куда от тебя денешься?..»

А однажды – Маринке было тогда лет семнадцать – Алексей случайно услышал их разговор.

– И как ты, мам, жизнь с ним прожила? Странно как-то… Ты и он! Пропасть между вами… Необъятная просто! Ты ведь такая! А он…

– Да нет, – спокойно и рассудительно ответила Надя, – ты не права! В конце концов, он всегда был хорошим мужем и прекрасным отцом. А это немало! Но вот никчемность – да. Здесь ты права. Слабак… А знаешь… – Жена замолчала. – Я тогда много над этим думала. Что лучше – гореть в страстях или быть уверенной и спокойной? Тот человек был ярким, как факел. Мы бы оба сгорели от страсти и ревности. А твой отец, – она усмехнулась, – он даже изменить бы не мог. Потому что слабак. Что я выбрала, ты поняла. А то, что была в моей жизни история… – Надя замолчала. – Я судьбе благодарна. Но… я испугалась. Из-за тебя испугалась! Знаешь, никто не заменит родного отца! И как бы у вас все сложилось… Ну, с тем человеком… Не знаю. Честно – не знаю. Да. Из-за тебя, – уверенно повторила жена.

– А вот это зря! – твердо возразила дочь. – Точно зря! Я бы… пережила!

– Ну, что теперь говорить, – с тяжелым вздохом ответила Надя. – Я привыкла… рассчитывать на себя.

Алексей отошел от двери и медленно прислонился к стене. В груди резко закололо.

Еле-еле добрался он до своей комнаты и лег на кровать.

Наивный дурак!.. Он-то думал… А все было ясно. С самого начала ясно. Никогда она его не любила. Никогда! Прикрылась тогда от отчаяния. И он ведь все знал! Все понимал! Просто думать об этом себе запретил! Надеялся, что его любви хватит на всех. А вот… не хватило.

Злости на жену у Алексея не было! Была только жалость: прожила, бедная, жизнь с нелюбимым…

А сколько он дров наломал! Смертельно рассорился с матерью. Обидел отца. Обделил сестру. Сделал несчастной свою любимую женщину…

И вот итог: ему уже под полтинник. И ничего… Совсем ни-че-го!

А самое главное – даже сейчас, когда наконец вся страшная правда открылась… Он снова ничего не изменит! Ни на что не решится! Не уйдет, не освободит ее. Не начнет уважать себя. Ничего не изменит и не поменяет! Будет упорно делать вид, что все хорошо!

И ведь чистая правда – ничтожество. Никчемность. Слабак.

Что тут возразить?

А ничего.

Вот тогда и вспомнилась Алексею одна история – «тема», как говорила Маринка.

Хотя… И истории-то не получилось! Так, ерунда.

Наверное, тогда Алексей все-таки влюбился. И даже наверняка влюбился! В свою, так сказать, больную.

Случилось это на вызове. Было самое начало зимы, и как обычно на участковых посыпались вызовы по простудным заболеваниям, бронхитам, трахеитам…

Дверь Алексею открыла молодая женщина в светлой пижаме. На горле шарф, на лбу испарина. Голос сиплый, сухой кашель…

Рукой пригласила в комнату – говорить ей было не просто.

Села на кровать и решительно задрала пижамную кофту. Под ней… ничего не было.

Все понятно: он врач – какие тут могут быть стеснения? К обнаженному телу привык. Голой грудью его не удивить. Но тут Алексей почему-то страшно смутился. А еще – разволновался. Он отвел глаза и приложил стетоскоп к груди больной. Потом простучал легкие. Оказалось – бронхит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mariya-metlickaya/zhenschiny-kot-i-sobaka-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить